

Георгий Тушкан
РАЗВЕДЧИКИ
ЗЕЛЕННОЙ СТРАНЫ

FOLIO

Рамка (Фолио)

Георгий Тушкан

Разведчики Зеленой страны

«ОМІКО»

1950

УДК 821.161.1

Тушкан Г. П.

Разведчики Зеленой страны / Г. П. Тушкан — «ОМІКО»,
1950 — (Рамка (Фолио))

ISBN 978-966-03-8172-8

Жизненный опыт путешественника Георгия Тушкана (1905–1965) и его обширные познания в области агробиологии (он окончил Харьковский сельскохозяйственный институт) особенно ярко проявились в книге писателя «Разведчики Зеленой страны» (1950). Вместе с героями романа читатель отправляется в горы и получает возможность пережить невероятные приключения пионеров, которые помогают селекционерам, создавшим в обстановке строжайшей секретности сады тропических культур на Памире. Именно благодаря этому роману имя Георгия Тушкана вошло в историю отечественной фантастики.

УДК 821.161.1

ISBN 978-966-03-8172-8

© Тушкан Г. П., 1950
© ОМІКО, 1950

Содержание

Невероятные приключения в тропических садах Памира	7
Часть первая	9
Охотник за обезьянами	9
В поисках полковника Сапегина	16
Где же полковник Сапегин?	27
Запечатанный пакет	32
Часть вторая	45
Старт	45
По азимуту	57
Боевой путь	65
Яблоневые леса	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Георгий Тушкан

Разведчики Зеленой страны

© Д. В. Харитонов, предисловие, 2020

© Э. А. Балула, художественное оформление, 2020

© Издательство «Фолио», марка серии, 2020

«РАМКА»

Георгий Тушкан
• РАЗВЕДЧИКИ ЗЕЛЁНОЙ •
СТРАНЫ
Роман

Харьков
«Фолио»
2020

Невероятные приключения в тропических садах Памира

Спустя десять лет после ошеломляющего успеха книги «Джура», сделавшей Георгия Тушкана классиком советского приключенческого романа, писатель публикует новое произведение – «Разведчики Зеленой страны».

Это произошло в 1950 году – Тушкан писал медленно и очень хотел повторить успех своего предыдущего романа.

События «Разведчиков...» разворачиваются через несколько месяцев после окончания Великой Отечественной войны, на которую Георгий Тушкан ушел добровольцем, был ранен и награжден орденом Красной Звезды. Эту награду давали за личное мужество и отвагу в боях – с этими качествами у Тушкана все оказалось в большом порядке.

А тот личный опыт, который он приобрел в качестве фронтовика и в результате учебы в Харьковском институте зерновых культур, получил отражение в книге «Разведчики Зеленой страны».

Стоит отметить, что, как и в «Джуре», события романа развиваются на Памире. Но вместо борьбы с басмачеством здесь в центре внимания – удивительные успехи советских селекционеров, которые во время войны в обстановке строжайшей секретности создали субтропические сады в совершенно непригодной для этого местности.

Да и главный герой – Егор Смоленский, который отправляется на поиски своего фронтового наставника полковника Сапегина, тоже похож на Джуру своей юностью, мечтательностью и романтизмом.

Но жанр книги – научная фантастика, так называемая фантастика ближнего прицела.

Это направление, очень популярное в Советском Союзе в сороковые-пятидесятые годы прошлого века, было проникнуто явной идеологической окраской. Возникла потребность показать жизнь советских людей в ближайшем будущем – через несколько десятилетий, как она будет меняться и неминуемо улучшаться под влиянием торжества идей социализма и новых открытий в науке и технике.

От писателя требовалось не заглянуть за горизонт на сто лет вперед в эпоху звездолетов и основания городов на Марсе, а вдохновить советских людей ближайшей перспективой изменений, которые приведут к улучшению повседневной жизни. Дать возможность читателю представить в своем воображении – как прекрасна и интересна может быть жизнь советского человека уже очень скоро, буквально в ближайшем будущем.

Как писал в 1938 году писатель-фантаст Александр Беляев в одной из своих статей: «Научная фантастика низводилась на степень «занимательной науки», превращалась в весьма незанимательные научные трактаты в форме диалогов. Рассказы писались по такому примерно трафарету. В выходной день тредневки ленинградский рабочий летит в стратоплане на Памир посмотреть гелиостанции. Час-полтора – и он на месте. Осматривает гелиостанции и задает вопросы. Инженер отвечает. Когда вопросоответная лекция окончена, рабочий благодарит инженера и улетает обратно в Ленинград...»

Крайне ограничен был и круг научно-технических тем. Предпочиталось писать о настоящем, «фантастика» сводилась к увеличению масштабов (размеров, скоростей и пр.)...

Немудрено, что при таких условиях машины заслоняли людей, герои бледнели, превращались в схемы, сюжетная занимательность исчезла».

Одним из ярчайших представителей «фантастики ближнего прицела» в советской литературе был херсонец Григорий Адамов. Его нашумевшие книги «Победители недр», «Тайна двух океанов» и «Изгнание владыки», несомненно, оказали влияние на решение Тушкана

попробовать себя в новом жанре. Он сознательно шел навстречу интересам читателя того времени, который хотел читать простую познавательную фантастику – своего рода «научпоп».

И в этом плане «Разведчики Зеленой страны» – вполне удачный пример подобной литературы, которая дает возможность представить также психологию советских людей середины прошлого века, которые мечтали о построении коммунизма и о счастливой жизни в уже недалеком будущем.

Дмитрий Харитонов

Часть первая

Охотник за обезьянами

I

Солнце еще не поднялось над горами Тянь-Шаня. Был тот глухой предрассветный час, когда кажется, будто весь мир застыл в сером однообразии.

Второго августа 1945 года по одной из проселочных дорог, вдали от магистрального шоссе, медленно шла грузовая автомашина. Тусклый свет фар освещал ровную поверхность дороги, но грузовик то и дело подпрыгивал, заваливался на бок и даже задевал «брюхом» землю, выползая из глубоких ухабов. Эту обманчивую гладкость дороги создавал толстый слой лёссовой пыли, такой глубокий, что колеса тонули в нем почти до втулок. Даже опытный глаз водителя не всегда мог заметить волчьи ямы на пути, доверху заполненные пылью.

Впрочем, пыль была везде. От нее трава и деревья у дороги казались совсем белыми. Черные буквы адреса на запечатанном фабричном ящике и груда пустых мешков в кузове машины тоже побелели от пыли.

Ощупью, как слепая, машина медленно двигалась на восток от Андижана, а за ней, как дымовая завеса, высоко поднималась пыль и стояла стеной, неподвижно, не колеблемая ни одним дуновением ветра, повторяя в воздухе все изгибы дороги.

Но вот резче выступили на сером небе черные контуры горных вершин. Чаше и звонче закричали перепела на люцерновых полях. Небо поглубело. Из-за гор сверкнуло солнце. Сады, казавшиеся прежде серыми, запестрели и расцвели красными гранатами, розовыми яблоками, ярко-желтым урюком. Темные гроздья винограда стали прозрачными. А вдали, как снежные просторы, засверкали под ярким солнцем хлопковые поля. Стали видны морщины ущелий и темные пятна лесов на склонах гор. Начинался день.

Луч света упал в кузов машины и осветил прядь торчавших из мешка белокурых волос мальчика. Маленький пассажир забрался в мешок еще с вечера, спасаясь от комаров. Ни толчки машины, ни скрип бортов – ничто не могло прервать его крепкий сон.

Вдруг грузовик резко рванул и понесся по дороге напрямик, через ямы и ухабы. Машину кидало из стороны в сторону. Из-под мешков выбрался огромный суровый пес – серая овчарка. На месте правого уха и глаза розовела нежная молодая кожа – след недавней раны. Пес оглядел окрестности своим единственным глазом, подошел, качаясь от толчков, к левому борту грузовика и, не в силах удержаться на ногах, сел, широко расставив передние лапы.

Грузовик помчался еще быстрее. Слева, из-за садов, наперерез ему неслась стена пыли.

Фронтальной пес, привыкший в быстром движении машины чувствовать опасность, опять вскочил, но его тотчас же отбросило на мешки. Пес поднялся и встревоженно посмотрел на своего хозяина. Мальчик крепко спал. Край мешка сполз и открыл покрасневшее круглое лицо, щедро усыпанное веснушками. Светлые брови нахмурились, а тонкие губы были крепко сжаты. Мелкие морщинки в углах рта и две резкие морщины, рассекавшие лоб, говорили, что мальчику пришлось уже повидать многое.

Впереди выросла стена пыли, поднятая машиной, опередившей грузовик, и он с ходу въехал в нее. Завизжали тормоза, яростно закричал шофер. Собака всем телом упала на мальчика. Тот вздрогнул, проснулся и приподнялся на локте, вглядываясь в пыльную мглу. Ему почудилось со сна, что все еще вечер и что машина стоит во дворе гаража.

– Ты что, Барс? – спросил мальчик и громко зевнул.

У него на зубах заскрипела пыль и защекотало в носу. Мальчик чихнул и окончательно проснулся.

Барс не стал ласкаться к хозяину, даже не попытался лизнуть его в нос. Умный, знакомый с тревогами, он смотрел вперед, стараясь понять, где опасность.

Сквозь разбитое заднее окно кабинки слышались жалобы шофера.

– Опередит меня Гриша по шоссе! Пропорил я. Конечно, по этой дороге в два раза короче, чем по шоссе... По километрам – да, а по времени? Ну сказал бы чайханщик прямо, что на недостроенном конце дороги совсем трудно ехать, так нет: «Ты бывалый, фронтальной шофер, проедешь...» Ну, что теперь будешь делать? Видимость – как в густом тумане, пять километров в час. Поедешь на первой скорости – мотор перегреешь, станешь перегонять – еще в арык заедешь... Нарисует Гюльнара в стенгазете: едет Садык на черепахе и срочно везет части к хлопоуборочной машине... Эх, Садык, Садык, потеряешь первое место! – горестно причитал шофер, разговаривая сам с собой.

Мальчик встал на ноги и, опершись грудью на кабинку, пытался рассмотреть, что делается на дороге.

– Ну и пыль! – сказал он удивленно и сочувственно добавил: – Плохие земли!

– Эй, зачем говоришь – плохие! – послышался укоризненный голос шофера из кабинки. – Ну, где ты еще найдешь такие богатые лёссовые почвы? Это замечательные колхозные земли!

– Да я так, просто посочувствовал, – смущенно отозвался мальчик.

Шофер принялся было объяснять мальчику о плодородии лёссовых почв, но внезапно замолчал и прислушался.

Впереди сквозь пыльную мглу слышались надрывные крики: иа-иа-иа!

– Хоп, якиш! – вдруг радостно и громко сказал шофер. – Кто спешит, тот людей смешит!

Сквозь пыль виднелось какое-то черное пятно на дороге. Грузовик немного проехал вперед и остановился. Пыль мгновенно окутала машину, но когда она рассеялась, мальчик увидел обогнавшую их машину «М-1». Перед ней посреди узкой дороги сидел большой черный осел. Невысокая девушка в тюбетейке яростно стегала его прутом.

– Пошел вон, пошел вон! – кричала девушка.

Но осел терпеливо сносил удары и не собирался уходить с дороги. Он равнодушно свесил левое ухо и, оттопырив правое, только изредка кричал: иа-иа!

Тогда девушка схватила осла за уши и попробовала оттащить. Ее тапочки на босых загорелых ногах скользили в пыли, от порывистых движений тюбетейка то и дело соскакивала с головы, и тогда короткие каштановые волосы закрывали ей глаза.

– Так! Так! – весело закричал шофер, высываясь из кабинки в открытое боковое окно. – Умела обгонять, умей теперь и дорогу очистить! Я хорошо знаю эту породу – легче гору сдвинуть!

Девушка даже не посмотрела на шофера. Красная от усилий и досады, она перестала тянуть осла за уши, обошла его сзади и сердито толкнула ногой. Но осел и ухом не повел.

– Хочешь, я прогоню осла? – предложил шофер. – Только условие: я поеду первый, а ты за мной.

Девушка гневно взглянула на него, подбежала к своей машине, схватила заводную ручку и принялась колотить ею осла по ребрам.

– Я подожду, пока ты устанешь, – сказал шофер, – и если у тебя не такой характер, как у этого длинноухого, ты согласишься, чтобы я ехал впереди. А я скажу одно секретное слово, и осел сразу уйдет с дороги... Хочешь?

Девушка сжала губы, задумалась и, видимо, что-то решив, села в машину, нажала кнопку гудка и, не переставая гудеть, медленно поехала прямо на осла.

– Э, не надо так! – сердито крикнул шофер, сразу переставший шутить. – Осел колхозный, племенной, задавишь – отвечать будешь! Я свидетель.

Машина гудела и теснила осла, он упирался изо всех сил и истоптанно вопил, а потом упал на бок, поперек дороги и... вытянув ноги поудобнее, положил голову в горячую пыль.

– Теперь залег на сутки! – угрюмо сказал шофер.

Девушка заглушила мотор, вышла из машины и стала около осла, притворившегося спящим. Она сердито толкнула его ногой. Осел только сильнее зажмурил глаза. Девушка готова была заплакать от досады.

– Больше жизни! Я очень тороплюсь! – вдруг раздался звонкий мальчишеский голос с грузовика.

Девушка смерила мальчика презрительным взглядом.

– Ишь, командир нашелся! Попробуй сам прогнать осла! – крикнула она таким же звонким голосом.

– А подвезешь меня до Джелал-Буйнака? – деловито осведомился мальчик.

– Подвезу! Еще и яблоками угощу – у меня их полная машина... Ну-ка, больше жизни! – передразнивая мальчика, крикнула девушка и, не глядя на него, устало села на подножку машины.

– Барс, возьми его! Фас, фас! – скомандовал мальчик, соскакивая на землю.

Пес метнулся из кузова, и в тот же миг осел взвился, как пружина, сделал огромный скачок в сторону от собаки, перепрыгнул арык и с ревом умчался.

Девушка весело рассмеялась, села в машину и, высунув в открытое окно руку, насмешливо помахала шоферу.

– А я? А Барс? – возмутился мальчик. – Ведь уговор был! – И подбежал к «эмке».

– Ты?! – усмехнулась девушка. – Ну хорошо, уговор так уговор, садись.

– Я сейчас!

Мальчик торопливо вернулся к кузову грузовика, влез на колесо и быстро схватил свой рюкзак. Он поспешил к «эмке», боясь, как бы девушка не уехала, но вдруг остановился, вернулся к грузовику и подал шоферу руку:

– Фронтное тебе спасибо, друг, выручил!

– Изменяешь мне! – ласково сказал шофер, не выпуская руки мальчика. – Едем со мной. Помощником сделаю, шофером будешь. Как бог, ездить будешь.

– Не могу, очень тороплюсь, спасибо. А мотор я знаю, сам езжу на мотоцикле. Заболей ты в пути, я бы и машину повел... Будь здоров, спешу!

– Ну, счастливо тебе найти своего полковника, – со вздохом отозвался шофер, нехотя выпуская руку мальчика. – А ты, девушка, если другой раз будет такой случай, бери два провода, присоединяя к аккумулятору в машине, а концами тронь осла – сразу убежит.

Мальчик с собакой влезли в машину, и она тронулась.

Вскоре на дороге остались лишь густая стена пыли да запах бензинного перегара. А шофер смотрел им вслед и вытирал слезившиеся от пыли глаза.

II

Уже через километр легковая машина объехала дорожные машины и, миновав большой плакат «Пути нет!!!», быстро помчалась по новому шоссе. Юный пассажир зажал пилотку в левой руке и высунулся по грудь в открытое окно.

Было чудесное летнее утро. В садах уже перекликались звонкие молодые голоса.

Все поражало мальчика: и впервые увиденные виноградные кусты с настоящими гроздьями винограда, и незнакомые плоды, и снег на полях. Девушка удивлялась наивности вопросов своего юного пассажира. Ей пришлось объяснять общеизвестные вещи: на полях не снег, а вата, вернее – обильный урожай раскрывающихся коробочек хлопка; а виденные машины – тракторы для междурядной прополки; плоды – айва и гранаты. И совсем не поняла восклицания мальчика: «Ну и жизнь!» Девушка переспросила и, получив не слишком вразумительный ответ, все же поняла радость мальчика, восторгавшегося величием гражданской, мирной, созидательной работы в тылу.

– Да откуда ты взялся такой? – спросила удивленная девушка.

– Я? – переспросил мальчик и не без удовольствия откинулся на мягкую, пружинную спинку сиденья. – Из армии демобилизовался, – с достоинством сказал он.

– Ну?! – удивилась девушка и бросила на него косой взгляд.

Мальчик был одет в военную гимнастерку, сшитую по росту, и в такие же брюки, заправленные в хромовые сапоги. Пилотку он держал в левой руке. Светловолосая голова его была острижена по-военному, и только на лбу торчал чуб. Голубые глаза светились умом и задором.

– Кем же ты был? Героем, конечно?

Насмешливый тон девушки заставил мальчика насторожиться. Он внимательно посмотрел на свою спутницу.

– У нас в санбате была сестра, очень похожая на вас, – сказал мальчик, – такая же «заводилка», и глаза, как у вас, и нос такой же курносый. Ее так и называли: курносая.

– Ну ты, потише, а то вот высажу тебя прямо на дороге!

– Не высадите!

– А вот и высажу!

– А я не вылезу. Ведь вы не настоящий шофер – настоящий так не газует на выбоинах.

– Тоже мне критик! Ничего ты не понимаешь! Больше газу – меньше ям, – весело сказала девушка.

Мальчик снисходительно посмотрел на развеселившуюся собеседницу.

– Я бы мог наврать тебе целую кучу всяких историй, – сказал он, сразу переходя на «ты». – Другие и на фронте не были, а наденут военный костюм, перешитый из отцовского, и врут: мы, мол, по тысяче фашистов брали за раз... Только я не такой... Меня и так все уважают...

– Подумаешь, военный! На лбу у тебя ничего не написано. А военный костюм, сам сказал, из отцовского сшить можно.

– А это? – И мальчик указал на две колодки медалей, висевшие у него на груди.

Он поспешно вынул из кармана аккуратно сложенные потертые бумаги и с привычной готовностью протянул их девушке.

– А ну, разверни сам, а то у меня руки заняты, – сказала девушка.

Она стала читать поднесенные к ее глазам документы, и удивление ее было так искренне, что она даже забыла о машине, и «эмка» заехала бы в арык, но мальчик вовремя перехватил руль и выправил ход машины.

Девушка спохватилась и вывела машину на дорогу.

– А я думала, ты хвастаешь, – просто призналась она.

– Я никогда не вру! Вот разве для соблюдения военной тайны. Мы так договорились с полковником Сапегиним. Ох, он и не любит врунов!

Мальчик вынул из кармана помятую фотографию и протянул. Девушка ожидала увидеть пожилого, солидного полковника и была очень удивлена, увидев возле разбитого каменного фашистского орла юного фронтовика, вооруженного автоматом, а рядом с ним не по званию молодого стройного полковника.

Узкое лицо командира с короткими черными усами было строго и красиво. Из-под серой кубанки выбивалась непокорная прядь черных волос. Чуть прищуренные серые глаза смотрели слишком пристально и чуть-чуть насмешливо. Во всей фигуре полковника заметны были фронтовое щегольство и безудержная удаль.

– Славный! – сказала девушка.

– Еще бы! – с гордостью ответил мальчик. – В беде не оставит, а соврешь – убить готов. На фронте обман может стоить жизни или сорвать победу, – нравоучительно сказал мальчик, видимо повторяя чужие слова, и, помолчав, продолжал с воодушевлением: – Даже в пустяках за ложь не спускал.

– Ты что же, из семьи на фронт убежал?

– Нет. Я ленинградец... родители погибли, я остался один... Голодал. Чуть не умер. Как объявят воздушную тревогу, все бегут в убежище, а я с ребятами – на Неву, на лед. Смотрим, где самолеты бомбы кинули. Попадет бомба в реку, оглушенная рыба в полынье вверх животами всплывет, ну, мы ловим... А потом в 1942 году меня ранило на льду осколком в ногу и в руку. Вот зенитчики и отнесли меня в госпиталь.

Девушка сочувственно кивнула головой. Насмешливая улыбка исчезла с ее лица.

– Попал в ленинградский военный госпиталь, – продолжал мальчик, – а там лежал раненый Сапегин, он тогда еще капитаном был. Он и сапер и авиадесантник. Его все любили, и я полюбил... Скажи он мне: «Умри», я умер бы... Ну, я и упросил его взять меня к себе в часть и стал воспитанником капитана Сапегина. Очень он любил песни петь, а у меня тоже голос, дискант...

Иногда с собой брал в наступление. Только редко. Мина летит, он упадет в ямку, а я сверху, чтобы не поранило его осколком. Он бывало сердится! А бойцы мне говорят: «Молодец, так и надо!» Да я и сам, без них, знаю... А в сорок пятом возле Эльбы перед самой победой полковника тяжело ранило. Я хотел с ним ехать, а он говорит: «Жди, обязательно вернусь из госпиталя в часть». А тут война окончилась, и его демобилизовали по инвалидности. Он мне тогда письмо написал, чтобы я к нему домой в Джелал-Буйнак ехал... А мы в Германии были, около Бунцлау... Там могила и памятник Кутузову... Знаете об этом?

Девушка отрицательно покачала головой. Мальчик охотно объяснил: Кутузов, когда преследовал Наполеона, умер за городом Бунцлау. Это между Бреслау и Дрезденом. Его набальзамированное тело отправили в Россию, а внутренности похоронили. Там, на холме, возле дороги, есть роща, и в ней усеченная колонна стоит, памятник. Ему и в Бунцлау огромный памятник немцы в старину поставили в благодарность за освобождение Германии от Наполеона. А теперь возле Бунцлау, около могилы Кутузова, устроено кладбище для погибших советских бойцов. Каждому – памятник отдельный, цветы кругом...

Мальчик помолчал.

– Я и в Берлине был, и в Вене, и в Будапеште. А теперь еду к полковнику Сапегину и Барса с собой везу.

– Кого?

– Овчарку, Барса.

Пес, услышав свое имя, спрыгнул с заднего сиденья и просунул огромную голову между сидоками.

– Это Барс полковника Сапегина. Нас обоих демобилизовали. Я из-за него и задержался – его долго не отпускали. У него пять серебряных медалей.

– У собаки медали? Что-то я об этом не слышала.

– Ему наши саперы сами выбили за бесстрашие. Только эти медали я теперь не показываю, а то одну у меня взяли посмотреть и не отдали.

– А ну покажи!

– А ты сразу вернешь? Дай честное слово.

– Вот еще! – И девушка засмеялась. – Конечно, верну!

Мальчик достал из кармана гимнастерки медали. Девушка уменьшила ход машины и хотела взять их в руки, но мальчик не дал:

– Смотри так.

– Это за что же ему дали? – спросила она.

– Ого! Ты слышала, что были собаки – миноносители, разведчики, связисты, санитары?

– Кое-что слышала.

– Так он все умеет делать. – Мальчик ласково обнял собаку за шею, и пес уткнулся ему носом в плечо. – У него семнадцать ран.

– А где вы его взяли?

– Барс из Ленинграда. Его вырастил и сдал в армию пионер Борис Ладыгин. Этому пионеру полковник Сапегин письма писал о Барсе, а потом перестал: отец у Бориса был на фронте, а сам Борис уехал куда-то. Теперь пес принадлежит полковнику Сапегину.

Барс посмотрел в глаза мальчику и сморщил верхнюю губу, как будто улыбаясь. Девушка хотела погладить собаку, но юный фронтовик во-время остановил ее;

– Нельзя! Барс не любит, когда его чужие гладят, и может укусить... Барс, на место!

Пес послушно убрал голову.

– А ты откуда? – спросил мальчик.

– Я из Джелал-Буйнака.

– Вот здорово! Ты, наверное, знаешь полковника Сапегина?

– Сапегина? – Девушка задумалась. – Что-то не слыхала, – ответила она нерешительно.

– Как же ты полковника Сапегина не знаешь? – огорчился мальчик. – Он в Джелал-Буйнаке...

– Ну, знаешь, за эти годы в Среднюю Азию приехало много новых людей, всех не упомянешь. А ты что делать хочешь?

– Я? Буду пока охотиться за обезьянами.

– Что? Что?

– Буду обезьян в лесах ловить для зоологических садов, а потом осенью учиться.

– Здесь никаких обезьян нет, – уверенно сказала девушка.

– Ах, ты ничего не знаешь! Полковник Сапегин рассказывал в госпитале, как один охотник-киргиз ловил обезьян. – Мальчик даже засмеялся. – Обезьяны такие глупые!.. Охотник взял самый клейкий клей, смазал им воловью кожу, спрятал ее в мешок, сел на осла и приехал в лес, туда, где обезьяны водятся. Видит – высоко на дереве обезьянка прыгает. Охотник, чтобы ее не спугнуть, на нее и не смотрит, потому что всякий зверь человеческого глаза боится. А только он остановил своего осла под этим самым деревом и давай на седле подпрыгивать. А обезьянка сверху смотрит, как он подпрыгивает. Потом охотник слез и на седло незаметно прикрепил кожу с клеем, ушел в лес и спрятался за кусты. А мартышка увидела, что никого нет, слезла с дерева, села верхом на седло и ну подпрыгивать! Ведь обезьяны очень любят перелезывать. Это всем известно... Ну, ее шерсть и прилипла к клею... Обезьянка испугалась, хотела соскочить с седла и убежать, а не может... Так ее охотник и поймал.

Девушка от души расхохоталась. Мальчик нахмурился. Девушка продолжала смеяться, и даже слезы выступили у нее на глазах. Наконец она перестала смеяться и смахнула слезы рукавом. Они въехали в город, и надо было внимательно вести машину.

– Чего ты? – резко спросил обиженный мальчик.

– Сколько тебе лет?

– Мне? Четырнадцать.

– А как тебя зовут?

– Смоленский Егор Иванович, – серьезно ответил мальчик.

– Ну и чудак же ты, Егор Иванович, поверил охотничьим сказкам! – И девушка опять засмеялась.

При всей своей выдержке юный фронтовик не мог допустить, чтобы кто-либо посмел смеяться над его полковником или подвергать сомнению его слова. Мысль о том, что Сапегин в госпитале просто хотел позабавить раненого мальчика веселыми охотничьими рассказами, не приходила Егору на ум. Мальчик не на шутку обиделся.

– Стой... Выпусти меня! – сердито сказал он. – Полковник Сапегин терпеть не мог зубоскальства... Знал бы – не садился!

– Сиди, сиди, скоро приедем. Я тебя куда надо подвезу, в леспромхоз.

Машина въехала на широкую улицу.

– Не хочу с тобой ехать! Ничего в охоте не понимаешь, а смеешься... Сама и в лесу-то, наверно, не была!

– Это я не понимаю в лесах? Да я хозяйка всех ореховых, яблочных и фисташковых лесов на этих горах! А знаешь, сколько всего в Киргизии одних только ореховых лесов? Сорок три тысячи гектаров!

– А почему вы не знаете полковника Сапегина? Ведь он тоже занимался лесами, – укоризненно сказал мальчик, почувствовав уважение к хозяйке лесов и снова переходя на «вы».

– Чего не знаю, того не знаю, а врать не стану. Даже не слышала. Впрочем, нет: слышала, что где-то на бывшем опорном пункте научно-исследовательского института, в районе ущелья Чак, Сапегин работал.

– Он в Джелал-Буйнаке должен быть. Мне бы его мать найти, – сказал Егор. И, озабоченно нахмурившись, спросил: – Так, говорите, обезьян в лесах нет?

– Чего нет, того нет. Это так же верно, как то, что меня зовут Лена Чукмасова. А обижаться не надо. Ишь, какой порох!

– А зачем ты смеялась?

– Потому что ты веришь сказкам для маленьких.

– Я не маленький. Если бы я был в армии еще месяц, меня бы в комсомол приняли как четырнадцатилетнего. Я уже все документы оформил, но не успел.

– Ну, конечно, вы, Егор Иванович, бывалый фронтовик. А все-таки, Егорка, запомни: мое имя Лена Чукмасова. Как знать, может, друзьями будем... Ну, вот и город. Вылезайте, товарищ Смоленский, приехали!

Егор вылез не спеша, стараясь держаться как можно солиднее.

– Какой ты еще маленький! – воскликнула Лена Чукмасова, увидев его небольшую подтянутую фигурку рядом с огромным Барсом.

– Не беда! – небрежно пробасил Егор. – Кто захочет, тот и в четырнадцать лет мужчина, бездельник же и в сорок лет дитя... А за обезьянами я все-таки буду охотиться! – крикнул он задорно, потрясая кулаком вслед машине, исчезнувшей в облаке пыли.

В поисках полковника Сапегина

I

Августовское солнце затопило горячими лучами город и загнало людей в дома и в тень деревьев. Даже кошки прятались в тень, отдергивая лапки от раскаленной земли. Они на бегу потряхивали ими в воздухе, как будто сбрасывали приставший к ним жар.

Егору не терпелось поскорее разыскать полковника Сапегина. Уж очень часто, особенно в последние дни, он представлял себе, как обрадуется и изумится полковник Сапегин, увидев перед собой кавалера двух медалей и, главное, не одного, а вместе с их четвероногим другом – Барсом.

Кроме того, в альпийском рюкзаке, висевшем на спине у Егора, был и подарок для полковника Сапегина: восемнадцатикратный бинокль, мечта всех охотников. Именно такой сильный бинокль хотел иметь Сапегин, и фронтовые друзья послали ему этот подарок.

Многих расспрашивал Егор о своем фронтовом отце, но даже старожилы не знали, где живет полковник Сапегин. А как же его можно было не знать? Стоит полковнику только появиться в городе, и через неделю все мальчишки, как замороженные, будут ходить за ним по пятам – такой это замечательный человек.

Егор присел возле чайханы на базаре, и его тотчас окружили ребята. Они с восторгом рассматривали колодки медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги», его военный костюм, португую, сапоги и в особенности Барса, который не обращал на них никакого внимания. Они-то и посоветовали Егору поскорее зайти в адресный стол, пока это учреждение не закрылось на обед. Веселой гурьбой они сопровождали Егора.

Егору казалось, что он вот-вот встретит полковника Сапегина. Он то и дело поправлял португую на плече и искоса поглядывал на колодки своих медалей. Хорошо было бы, конечно, иметь «Красную Звезду», но война окончилась раньше, чем он смог ее получить.

За несколько минут до закрытия вся ватага ввалилась в помещение адресного стола.

II

Пожилая, измученная жарой женщина рассердилась на Егора за то, что он ввел в комнату пса. Но все ребята дружно заступились за Барса, и женщина, махнув рукой, перестала спорить и, неприязненно глядя на Егора, дала ему листок бумаги. Егор заполнил листок, уплатил пятьдесят копеек. Женщина переспросила фамилию и ушла в соседнюю комнату. Она скоро вернулась и равнодушным голосом сказала, что «Максим Иванович Сапегин не значится». Егор сначала не понял и не поверил справке. Он стал уверять женщину, что этого не может быть, но женщина пожала плечами и предложила Егору уйти, чтобы она могла запереть двери на обеденный перерыв. Егор, приученный к дисциплине, вышел.

– Ребята, а где заведующий адресным столом живет? – спросил он. – Надо проверить эту справку.

Черная от загара, худенькая девочка лет семи, в одних трусах, сказала, что «папа живет в этом же доме».

– Веди меня к нему! – решительно сказал Егор.

Девочка, с опаской оглядываясь на Барса, провела Егора во двор и позвала в дом.

Огромный дворняга, спавший в сених, с лаем бросился на Барса, но тот мгновенно опрокинул его на спину и схватил за горло. Рычание, визг, стук упавших досок, звон разбитой

посуды и вызванный этим переполох вовсе не способствовали «выяснению». И все же заведующий, прогнав Егора с собакой во двор, после настойчивых просьб дочки и ребят смягчился и пошел сам проверять адрес. Возвратившись, он сочувственно развел руками и подтвердил, что Максим Иванович Сапегин действительно в Джелал-Буйнаке не значится.

Егор был потрясен. Его совсем не пугало, что случится с ним здесь, в незнакомом городе – он привык к самостоятельности, – но не случилось ли чего плохого с полковником Сапегиным? Или он работает где-нибудь в военном учреждении и поэтому, как военный, не значится в адресном столе?

Ребята сидели на корточках, сочувственно глядя на Егора.

– А ну, орлы, покажите, где райвоенкомат, – сказал Егор.

Ребята с готовностью бросились вперед.

В военкомате был только один дежурный. Он внимательно выслушал Егора, расспросил о полковнике Сапегине, долго рылся в бумагах и наконец сказал, что полковник Сапегин на учете не состоит и раньше, до войны, тоже не состоял.

Егор вышел на улицу. Он растерялся и не знал, что же теперь предпринять. Надо было что-то придумать.

– А ну брысь! – сердито закричал он ребятам, пристававшим к Барсу, и те испуганно замерли на месте. – За службу спасибо, – устыдившись своей резкости, сказал Егор, – только не ходите больше за мной.

Он медленно побрел по обочине улицы без цели, просто так, куда глаза глядят, а рядом с ним шел Барс. Четвероногому другу передалось настроение мальчика. Осторожно ступая, он то и дело сочувственно заглядывал Егору в глаза, стараясь угадать его намерения.

III

Егор так задумался, что столкнулся с мальчуганом, шедшим ему навстречу. Громкие рыдания мальчика сразу прервали его думы.

– Чего ты гудишь, как паровоз? Я же не сильно толкнул тебя, – сказал Егор, не терпевший плакс.

Но мальчик плакал навзрыд. Все его маленькое тело содрогалось от рыданий. Он тер кулаком глаза и, сам того не замечая, растирал грязь по щекам.

– В чем дело? – примирительно спросил Егор, поняв, что мальчик плачет не от толчка.

Но тот, уловив нотку сочувствия в его голосе, заплакал еще громче.

– Хлюпец, а реवेशь, как белуга!

– Белуги не режут, они рыбы, а я деньги потерял, – наконец вымолвил мальчик.

– Искать надо, а не плакать.

– Я искал... а Степка подошел, услышал, что я потерял, и смеется. «Врешь ты все, говорит, сам истратил на конфеты и притворяешься! Вот пойду, говорит, и расскажу, что сам видел, как ты конфеты ел...»

– Ну и брат у тебя! – посочувствовал Егор.

– Он не брат – Степка Пханов, – невразумительно ответил мальчик.

– Ты вот что, орел, – сказал Егор, – плакать перестань, а расскажи толком.

– Я не орел, я Толя!

Всхлипывая и размазывая по лицу слезы, Толя рассказал, что он потерял последние деньги. Его, как сироту, из дома для эвакуированных ленинградских детей взяла тетя Глаша. Она очень хорошая, он у нее как сын родной. Вчера она купила ему ботинки на рынке, дорого заплатила, и у них до полочки осталось только сто рублей. Тетя Глаша послала его с последней сторублевкой в магазин за продуктами. Он эту сторублевку потерял. А Степка еще врёт...

– Так ты из Ленинграда! – радостно воскликнул Егор, чувствующий себя очень одиноким в этом чужом городе.

– Из Ленинграда.

Егору было и радостно от встречи с земляком и жалко этого обиженного мальчугана. Хотелось помочь мальчику, но как? Он засунул руки в карманы, ощупал шелестящие бумажки... Мелочь! Эх, была бы у него тысяча рублей! Есть, правда, сотня в левом кармане гимнастерки, так это НЗ – неприкосновенный запас на случай беды.

– А если мы поищем еще? – предложил Егор.

– Нет-нет. Их Степка нашел и взял.

– Пойдем заставим его отдать, – сказал Егор.

– Что ты! Он сын Мустафы Пханова. Он знаешь какой! Он уже год, как бросил учиться в шестом классе. Он большой. Он хвастался Топсу, что у родного отца потихоньку тащит деньги из кармана. Если Степка нашел, то ни за что не сознается... А сам грозит: «Все узнают, как ты у Глафиры Николаевны деньги украл». А я их не крал... – Слезы снова покатались по щекам мальчика. – «Воров, говорит, учить надо. Не принесешь – отправят тебя в исправительный дом для малолетних преступников...»

Егор смотрел в огромные карие глаза мальчика, и столько было в них горя, незаслуженной обиды и беспомощности, что Егор мгновенно вынул из кармана деньги.

– Вот твои деньги, – сказал юный фронтовик и протянул свою последнюю сторублевку.

– Ну! – как вздох облегчения, вырвалось у мальчугана.

Он порывисто схватил деньги, разгладил свернутую вчетверо смятую сторублевку, развернул ее, осмотрел с обеих сторон и дрожащей рукой протянул деньги Егору обратно.

– Это не те, – еле слышно прошептал он, – на тех в углу чернильным карандашом было написано «сорок две тысячи».

Егор понял, что не так-то просто заставить честного мальчика даже в беде принять деньги, и ему еще сильнее захотелось помочь мальчику. Егор дружески хлопнул его по плечу и сказал с напускной грубостью:

– Брось меня разыгрывать! Значит, я твою только что разменял. Ты вот что: дают – бери, берут – беги. Ну, чего на меня глаза пялишь? Что я, дурак, что ли, свои рубли всяким встречным-поперечным дарить? И вообще, раз старший приказывает, не рассуждай, а исполняй. А ну, суй деньги в карман! – И Егор схватил руку мальчика, зажал в ней сторублевку. – А теперь аллюр три креста – беги и покупай продукты.

Мальчик стоял, не спуская с Егора изумленного взгляда. Егору стало не по себе.

– А ну крой бегом, а то вот возьму и отберу назад деньги!

Мальчик молча протянул ему сторублевку.

– Спрячь! – сердито крикнул Егор. – И пошутить нельзя. Ну, кругом марш!

Мальчик вдруг покраснел, засмеялся и, поняв, что над ним не шутят, подскочил к Егору и крепко обнял его за шею. Егор смутился.

– А ну тебя! – вырываясь, с сердцем сказал он странно скрипучим голосом, потому что в горле у него запершило и сдавило.

Он махнул рукой и поспешно пошел вдоль улицы, потом вдруг обернулся и крикнул:

– А Степке Пханову скажи, что встретил своего земляка, ленинградца, бывалого фронтовика, и если Степка тебя пальцем тронет, ему непоздоровится!

В горле у Егора опять сжало, и он, резко повернувшись, зашагал дальше. Он брел неизвестно куда. За ним, понунив голову, брел Барс, всегда послушный и верный друг. А сзади стоял худенький тринадцатилетний мальчик с сияющим взглядом широко открытых карих глаз. Сжимая в руке сторублевку, он смотрел вслед Егору, и крупные слезы текли по его щекам, но это уже не были слезы горя.

IV

Егор долго бродил по опустевшим от жары улицам города и спрашивал о Сапегине. Но никто ничего не знал. Стало так жарко, что даже самые злые хозяйские собаки, не пропускавшие без лая ни одного чужого пса, и те забились в темные углы и молчали.

Егор шел все вперед и вперед и наконец попал в городской парк. Здесь росли большие деревья, густые кусты, журчали арыки, повсюду раздавались веселые голоса ребят и их задорный смех. Егору хотелось отыскать укромное местечко, где бы никто не мешал ему подумать. Он свернул с большой дорожки и пошел по траве в густые заросли. А подумать Егору было о чем. Ведь он ехал с Барсом в Джелал-Буйнак в полной уверенности встретить здесь своего фронтового отца. И вдруг полковника Сапегина нет, да и не было в этом городе. Произошла какая-то ужасная ошибка. Но как это случилось и что предпринять?

В жизни каждого командира есть очень ответственный и важный момент, когда командир, прежде чем отдать боевой приказ войскам, принимает боевое решение. В боевом приказе есть параграф 4, который начинается словами: «Я решил...»

«...Я решил... я решил... я решил», – настойчиво твердил самому себе Егор, с силой раздвигая руками упругие ветки кустов, как будто стоило только устранить их с пути – и перед Егором сразу бы открылось решение вопроса. Но дальше слов «я решил» Егор ничего не мог придумать. И вдруг за кустами кто-то отчетливо и громко произнес эти же самые слова:

– Я решил.

Егор замер в недоумении на месте. Это было не эхо. Но вот опять слышен тот же самый голос:

– Я решил двигаться вот так.

Кто-то запротестовал.

Егор осторожно раздвинул ветки и увидел четверых мальчиков. Они сидели под кустом, по-киргизски поджав под себя ноги, и так горячо спорили, что не заметили Егора.

Один из них, высокий, худощавый, с длинным узким лицом, одетый в серые брюки и синюю майку, был старше других. Он потрясал листом бумаги. Егор тотчас прозвал его про себя «Главным». Были еще «Красная майка» – толстый мальчик с таким румянцем на щеках, что даже густой загар не мог погасить его. Был еще «Белая майка» – худощавый подвижной маленький киргиз, и «Зеленая майка» – мальчик с порывистыми движениями, горячий спорщик. Между ними на земле, очищенной от травы, виднелись свежепрочерченные линии и лежали камешки.

Егор подумал, что ребята играют. Но он ошибался. Это была не игра. Ребята спорили о местонахождении какого-то пункта в горах. «Главный» нетерпеливо взял щепку из рук толстяка, засыпал землей проведенную толстяком линию на земле и сказал:

– Вот что значит плохо учить географию! Андижан здесь. – Он положил перед собой белый камешек. – Дальше на восток – граница между Узбекской и Киргизской республиками. – Мальчик прочертил линию. – Наш Джелал-Буйнак вот здесь, – он положил второй камешек, – а дикое ущелье реки Чак находится от нас километрах в ста, вот здесь, – и он провел щепкой борозду. – А нам надо попасть в ущелье реки Алматала. Это северный приток реки Чак, там таких притоков десятки, и поэтому вы всё путаете... В горной долине Алматала, ближе к истоку реки, и находится Пчелиный город на Ореховом холме.

Спорщик «Зеленая майка» не дал ему продолжать. Он молча вырвал щепку из рук «Главного». Но тот так же молча отнял ее обратно. Тогда спорщик пальцем прочертил на земле другую линию.

– Здесь, – крикнул он, – а не там Пчелиный город!

Толстяк «Красная майка» громко зевнул и сказал:

– Зачем спорить? Я же дал план: ущелье вот здесь. – И он прочертил пальцем новую линию.

– Не смей портить чертеж! – сердито закричал «Зеленая майка».

– Может быть, ты неправильно срисовал план? – сказал «Главный», обращаясь к «Красной майке».

– Нет, правильно, – упорствовал толстяк, вытирая пот с лица.

– Значит, план неправильный.

– Нет, правильный. Я рисовал с пхановского плана. А он заведует ларьком колхоза «Свет зари» и знает все земли своего колхоза в ущелье Чак, знает самый близкий туда путь и уж, конечно, где Пчелиный город на Ореховом холме. Он ведь для своего Степки достал этот план. А Степка собирается туда идти со своими ребятами.

– Ну и лентяй же ты, Топс! – рассердился «Зеленая майка». – Гарун сказал: «Пусть Топс зайдет ко мне, возьмет копию плана, и мы наметим по этому плану маршрут». А ты?

– Честное пионерское – план самый точный! – оправдывался толстяк Топс.

– Перестаньте спорить! – повысил голос «Главный». – Смотрите, я накладываю этот план на землю, и все получается правильно.

– Вот и неправильно, – сказал «Зеленая майка». – Пчелиный город на Ореховом холме находится на юге. На нашей карте он отмечен крестиком, а крестик должен быть на южной стороне.

– Нет, крестик на северо-западе, – решительно возразил «Красная майка».

– А я говорю, крестиком надо повернуть на северо-восток и даже на север, – вмешался маленький киргиз, – я знаю.

Они снова закричали все сразу, не слушая и перебивая друг друга. Только и слышалось: «Север, северо-запад, восток, юг!»

– У вас карта не ориентирована, – вмешался в их спор Егор, которому захотелось помочь ребятам.

Ребята мгновенно замолчали и обернулись к Егору. Они с изумлением и недоверием смотрели на незнакомого мальчика в военном.

– Вы вертите свой план во все стороны, – сказал Егор, – а его надо той стороной, где буква «С», повернуть на север, и тогда сразу все станет ясно. – Он подошел ближе к мальчикам, взглянул на схему карты, лежавшую на земле, и свистнул: – Топографы! У вас даже не указано на карте, где «С» – север! Но это легко поправить. Дайте мне схему. – И он протянул руку.

«Зеленая майка» быстро схватил схему и спрятал ее за спину.

– А ну сматывай отсюда! Катись подальше, да поживей! Нечего подслушивать! Учитель нашелся! Сами ученые! – крикнул он.

Толстяк, приоткрыв рот, испуганно смотрел на Егора.

– Ты кто? Откуда? – удивленно спросил «Главный».

Но Егор даже не ответил ему. Егор рассердился. Он ведь по-товарищески хотел помочь этим чудакам.

– Очень мне нужны ваши секреты! – с достоинством ответил Егор. – Мне военные тайны доверяли на фронте! – И он решительно шагнул назад.

Ветки кустов сомкнулись.

V

Недалеко за кустами Егор увидел фонтан и решил напоить Барса. Возле фонтана было шумно. Дети толпились вокруг курчавого мальчика со скворцом.

– Сумасшедший, ты его утопишь, он захлебнется! – в отчаянии кричали девочки, хватая мальчика за руку, которую он то опускал в воду, то поднимал.

Мальчик хохотал, отталкивая локтями и ногами облепивших его девочек.

При появлении Барса, подбежавшего к воде, одни ребята с визгом отскочили, другие, осторожно пятясь, отошли подальше. Но пес не обращал на них внимания. Он влез в чашу и с удовольствием погрузился до ушей в прохладную воду.

Егор тоже припал губами к чистой струе, вытекавшей из рта бронзовой змеи. Напившись, он снял сапоги и опустил разгоряченные ноги в канавку, куда стекала вода из переполненной чаши.

– Разве это фонтан! – сказал Егор, шуря глаза на обступивших его любопытных ребят. – Вот у нас, это да! – И Егор с увлечением стал рассказывать о знаменитых ленинградских фонтанах.

Курчавый мальчик со скворцом отбежал в сторону.

– Ну, Павлик, ну отпусти, ну, Павлик! – просили его девочки.

Но мальчик то подбрасывал в воздух скворца, привязанного тесемкой за ногу, то тянул его за эту тесемку вниз. Дети вырывали птицу друг у друга.

– Сейчас же отпусти скворца на волю! Перестань птицу мучить, живодер! – крикнул Егор мальчишке.

– Моя птица – что хочу, то с ней и делаю, – упрямо возразил мальчишка.

Егор бросился к нему и, прежде чем тот успел оправиться от неожиданности, вырвал из его рук скворца.

– Отдай, отдай! – отчаянно закричал мальчишка, цепляясь за руку Егора.

Но тот высоко поднял птицу в левой руке над головой. Мальчишка подпрыгнул, не достал, упал, тут же вскочил и завопил:

– Рома, Рома!

Никто не отозвался. Мальчишка стремительно бросился прочь.

Взъерошенный скворец с открытым клювом сидел на пальце Егора, крепко впившись коготками, и закатывал глаза от усталости. Егор отвязал веревочку с его ноги, вскинул руку вверх. Скворец не хотел улетать.

Егору пришлось подбросить птицу. Скворец стал падать, а потом взлетел и сел на сук. Девочки радостно закричали. Скворец встряхнулся и принялся чистить клювом распушенный хвост.

VI

– Ты что это делаешь? – раздался рядом крик.

И не успел Егор обернуться, как его толкнул налетевший мальчишка – «Зеленая майка», тот высокий, худощавый паренек лет четырнадцати, который спорил о карте: в кустах и так грубо прогнал его.

– А тебе что? – удивился Егор.

– Это он, Рома, он! Он! – твердил Павлик, прибежавший вместе с «Зеленой майкой».

– Это мой брат, ясно? – сказал «Зеленая майка». – И скворец его. А ты хулиган, вот ты кто. Отдай скворца!

– Возьми, – насмешливо сказал Егор и показал на дерево.

– Нет, ты полезь и достань! – закричал «Зеленая майка».

– И не подумаю, – ответил Егор. – Это ты научил брата мучить птиц?

– Павлик гнезда «дерет»! – хором закричали девочки.

– Павлик филина замучил, – важно сказала маленькая девочка.

– Замолчи! – сердито крикнул ей «Зеленая майка».

– Не замолчу, – храбро ответила девочка, придвинувшись к Егору. – Павлик – живодер.

– Живодер, живодер! – громка, в один голос закричали девочки.

– Если ты и достанешь скворца, я не позволю твоему брату мучить птицу, – предупредил Егор.

«Зеленая майка» передернул плечами и полез за скворцом на дерево. Птица сидела на ветке, нисколько не боясь ребят, и чистила клюв.

– Дурак! – вдруг невнятно сказал скворец и повторил: – Дурак!

Все ребята замерли от неожиданности.

– Он ученый, он говорит! – закричали девочки.

Егор подбежал к дереву и схватил «Зеленую майку» за ногу. Тот дернул ногой и сбил пилотку с головы Егора.

Но в это время прибежал высокий худощавый мальчик с длинным лицом, тот самый «Главный».

– Не надо драки, – сказал он, хватая Егора за рукав. – Ромка, слезай!

Егор рванулся. «Главный», не поняв его движения, схватил Егора сзади обеими руками. Тогда, взметнув воду, из фонтана выскочил Барс. Шерсть его на загривке вздыбилась. Он с яростным рычаньем устремился на обидчиков своего хозяина. Ребята разбежались во все стороны.

– Фу! – отчаянным голосом закричал Егор, стараясь остановить разъяренного пса.

Но Барс не слушался. Егор всем телом упал на пса и схватил правой рукой за ошейник. Барс потащил его за собой по траве, вырвался и помчался за «Главным».

– Фу, фу, ко мне! – кричал на весь парк Егор.

Он вскочил и побежал вдогонку за собакой.

«Главный» сделал отчаянный прыжок, стараясь ухватиться за ветку, но промахнулся и упал.

Егор мчался, не чуя под собой ног. Он знал, на что был способен разъяренный пес. Барс сбил с ног «Главного» и вдруг отскочил от него. Ребята в ужасе наблюдали за собакой.

Егор в изумлении остановился.

Пес подпрыгнул на месте, обошел лежавшего мальчика кругом и осторожно обнюхал. Потом он припал грудью к земле, игриво отскочил в сторону, снова припал грудью к земле и глухо залаял. Так он обычно лаял от радости.

– Как зовут твою собаку? – неожиданно спросил лежавший.

– Барс.

– А хозяин этого пса был не Борис Ладыгин?

– Борис Ладыгин, – подтвердил Егор, до сознания которого никак не доходило, почему этот мальчик знает имя прежнего хозяина Барса.

– Борис Ладыгин – это я! – сказал мальчик вставая, и голос его задрожал от волнения.

– Ты Борис Ладыгин? Ты, ты? – спросил изумленный Егор, никак не ожидавший встретить здесь, в Средней Азии, ленинградского мальчика, отдавшего своего четвероногого друга для защиты Ленинграда.

– Он Борис Ладыгин! – громко и дружно закричали все ребята и обступили со всех сторон обоих мальчиков, стоявших возле собаки.

– И ты отдал этого Барса в армию? – спросил Егор, все еще не в силах поверить ему.

– Отдал.

– А кто тебе писал из армии о собаке? – недоверчиво спросил Егор, которым снова овладели сомнения.

– Мне писал старший лейтенант Сапегин, – быстро и уверенно ответил Борис. – Он был на Ленинградском фронте.

– Верно! – воскликнул Егор. – Что верно, то верно. Максим Иванович был тогда старшим лейтенантом. Вот здорово, вот история! Ну кто бы подумал, что ты встретишься со своим бывшим псом в Джелал-Буйнаке! Вот чудо!

– Чудо! – тихо отозвался Борис.

Кольцо ребят вокруг них сузилось.

– Барс! Барсенька, Барсучок! – воскликнул Борис и бросился к собаке.

– Осторожно! – крикнул Егор. – Он тебя почти забыл, а чужим не дает гладить... Осторожно!

Но Борис уже стоял на коленях возле собаки, обняв ее обеими руками, и, прижавшись головой к морде Барса, что-то шептал. Егор, готовый броситься на выручку, не спускал глаз с притихшего растерянного Барса.

Маленький киргиз «Белая майка» бил кулаком о кулак и, сверкая глазами, кричал:

– Ай, как хорошо! Ай, как хорошо!

А на ветке шелковицы сидел скворец, и крылья его трепетали от радости, как это бывает ранней весной утром, после холодной ночи, когда он вещает новый пламенеющий, пьянящий жизнью день.

VII

– Что же ты теперь будешь делать? – спросил Борис Ладыгин, когда Егор окончил рассказ о себе.

Они сидели рядом на краю каменного водоема. Возле их ног лежал Барс, а за ним на траве сидели мальчики и девочки.

Егор наморщил лоб. Его взгляд выразил беспокойство. Без полковника Сапегина жизнь ему казалась какой-то ненастоящей. А что же теперь с ним будет? Егор промолчал.

Тогда посыпались советы:

– Учиться в ремесленном!

– А почему не в Суворовском? – спросил кто-то.

– Осенью поработает в колхозе, а зимой будет учиться.

– Ему надо в семью...

Советы эти были не очень-то нужны Егору. До Ташкента он ехал вместе с демобилизованным офицером из их части, капитаном Маловым, которому и поручили доставить Егора к полковнику Сапегину. И только настойчивость самоуверенного Егора и уверения в том, что «тут близко, я не маленький, сам доберусь», привели к тому, что в этом городе он очутился один. При желании Егор мог бы вернуться к Малову в Ташкент. Капитан любил воспитанника их части и, конечно, устроил бы его жизнь, но возвращение к Малову казалось мальчику отступлением, изменой Максиму Ивановичу Сапегину. Поэтому Егор даже не рассказал ребятам о Малове.

В глазах ребят юный фронтовик увидел столько горячего сочувствия, что ему сразу стало легче. Вот уж не думал Егор попасть в такое положение! Но трудности всегда только раззадоривали его воинственную натуру. Страстное желание во что бы то ни стало разыскать своего фронтового отца безраздельно овладело всеми помыслами и чувствами Егора.

– Буду искать полковника Сапегина, – сказал он твердо. – Буду искать, пока не найду! Понимаешь, мне без него жизни нет. Я дал слово приехать к нему. У него и так беда с рукой, а вдруг он тяжело заболел и некому помочь? Мне его надо найти. Это же мой фронтовой отец, понимаешь! Он меня не раз от смерти спасал... Теперь, после войны, мы сначала отдохнем с ним, поохотимся в лесах на обезьян, а потом зимой я буду учиться.

– Обезьян?! – задохнулись от восторга ребята.

– Да, будем охотиться за обезьянами, за барсами, за медведями и за дикими козлами для зоологических садов. – Егор помолчал. – Я должен разыскать полковника Сапегина, тики так. – Так в его скороговорке прозвучало украинское выражение «тильке так» – только так.

– Тикитак! – повторил Борис, которому понравилось новое слово.

– Тикитак! – повторили за ним ребята.

И это слово запрыгало, как мячик, перелетающий со стороны на сторону:

– Тикитак! Тикитак! Тикитак!

– Тики так, – задумчиво повторил Егор.

В наступившей тишине густо зажужжал шмель.

– Придумал! – воскликнул Борис вскакивая. – Наше пионерское адресное бюро поможет. Кто нашел Лялину маму? Помните? Все говорили – приехала, приехала, а никто не знал где. А она на вокзале лежала больная. Мы ее нашли. А кто разыскал Тиму Савинова и Олю Равич в соседних кишлаках, когда приехали их родные? Кто? Пионеры!

Ребята вскочили. Каждый восторженно кричал что-то свое.

– Тише! – нетерпеливо крикнул Борис.

Ребята притихли.

– Неужели мы, – воскликнул Борис, – не разыщем в городе одного человека, его фронтового отца? – Борис показал на Егора. Стало совсем тихо. – Да если мы пойдем сейчас в город, да по своим улицам, да к знакомым ребятам и попросим их помочь, да по соседям и все будем спрашивать о полковнике Сапегине, то не только полковника, а если он потерял пуговку, то и ту отыщем.

– Хлопцы, – обрадовался Егор, – полковник Сапегин из себя невысокий, стройный, а когда сердится, то шевелит маленькими черными усами. Да его на второй день после приезда вся улица бы знала... А глаза у него светлые, и левая рука ранена.

Ребята, толкаясь, бросились к выходу из парка.

В парке остались четверо: Егор, Борис, Ромка и младший брат Ромки – «живодер Павлик».

– Вот видишь, – с воодушевлением сказал Борис, – а ты совсем было скис. А еще фронтовик!

– Мировые ребята! – с восторгом отозвался Егор, глядя вслед мелькавшим майкам. – Да если они найдут полковника, я последнюю рубашку отдам!

– А Барса? – вдруг спросил Павлик.

– Что ты! – сказал укоризненно Егор. – Я же его везу полковнику Сапегину! Я Барса под расписку взял.

– Барс не твой, – напомнил Павлик, сердито глядя на Егора.

Борис и Егор покраснели, но притворились, что не расслышали слов Павлика. В самом деле, кому же теперь должен принадлежать Барс?

Борис Ладыгин сидел на краю каменного водоема, любовно поглядывая на Барса, лежавшего у их ног, и думал о том, что никогда не узнал бы он Барса, если бы собака не узнала его первая. Ведь он помнил Барса совсем иным, почти щенком, веселым, игривым, а теперь у пса и следа не осталось от былой игривости и нежности.

– А демобилизованные собаки возвращаются к своим прежним владельцам? – спросил Борис.

В глазах мальчика Егор увидел выражение дружеского доверия. Стоило Егору сказать «не возвращаются», и Борис не стал бы спорить. Но Егор не мог соврать.

– Не знаю, – только и сказал Егор и вдруг понял, как ему дорог Барс.

– Ага, ага! – злорадно закричал Павлик.

– Ну ладно, – вдруг сказал Борис, – пусть будет так, как решит Сапегин!

– Люблю боевых! – с восторгом сказал Егор.

И Борис, не раз пытавшийся попасть на фронт, правильно понял это определение: «боевой» – как «смелый», «щедрый», «готовый поступиться самым дорогим», «настоящий друг».

Пальцы Егора, нервно сжимавшиеся в кулак, нащупали в кармане брюк небольшой предмет.

– Хочешь? – спросил Егор и протянул Борису маленький черный пистолет.

– Маленький браунинг! – воскликнул Борис.

Егор нажал спуск. Пистолет щелкнул, и на нем сверху, посередине, зажегся огонек.

– Пистолет-зажигалка, – объяснил Егор. – Кто не знает, думает – настоящий.

– Ну что ты! – вспыхнул Борис. – Такой подарок! Разве можно такую вещь взять?

Егор насильно взял правую руку Бориса, зажатую в кулак, раскрыл сжатые пальцы и сунул в ладонь пистолет-зажигалку.

– Чур, друзья, – сказал Егор.

– Мне нечем будет отдарить, – смущенно ответил Борис.

– Вот еще! – сказал Егор, сразу придя в отличное расположение духа. – Почему не сделать человеку приятное, если можешь? Я и тогда хотел вам помочь насчет карты, а вы сразу: фпрр... фпрр... Что там у вас за тайна такая?

– Ох! – вскочил Борис, прижимая браунинг к груди. – Ведь я совсем забыл! Мне же надо быть в половине второго в одном месте! Понимаешь, в этом нет никаких секретов, но... – Он замолчал. И, заметив обиженное выражение лица Егора, добавил: – Вечером расскажу. Ромка, бежим скорей к Гаруну!

С этими словами Борис и Ромка побежали к выходу. Павлик побежал было за братом, потом остановился и крикнул Егору через плечо:

– А Барса у тебя все-таки заберут!

– Беги, беги! – насмешливо сказал ему Егор.

– Все равно отберем... через милицию, – сказал Павлик. Он захохотал и поскакал на одной ноге из парка.

Егор заложил четыре пальца в рот и оглушительно свистнул.

Мальчишка чуть не упал от неожиданности и припустил во всю мочь.

VIII

Егор обвел глазами опустевший парк: скворец, и тот улетел.

Юный фронтовик присел на корточки возле лежащего Барса и, наклонившись к нему, прошептал:

– Не бойся, никому не отдам!

Барс понюхал руку мальчика и лизнул ее.

– Есть хочешь? – шепнул Егор.

Барс зашевелил хвостом, встал, потянулся и визгливо зевнул.

Егор снял с плеч рюкзак, вынул оттуда замотанное в свитер, разложенное надвое охотничье ружье, вынул футляр с биноклем, мешочек с полотенцем, зубным порошком и щеткой и опустевшие пакеты из-под продуктов. Мальчик обеспокоенно пошарил на дне рюкзака, вытащил несколько маленьких кусочков сухарей и протянул их Барсу. Тот слизнул сухарики.

Егор нахмурился. Сам он мог и поголодать, но заставлять голодать Барса было недопустимо.

– Пойдем на рынок! – громко сказал Егор, сунул привычным движением пальцы в левый нагрудный карман гимнастерки и денег там не нашел.

Он стал торопливо вынимать из карманов документы и вдруг вспомнил ленинградца Толю.

Егор свистнул Барсу. Пес мгновенно вскочил. Мальчик сунул все выложенное из рюкзака обратно, забросил рюкзак за спину и зашагал со своим четвероногим другом в город по улице, зажатой между двумя высокими накаленными глиняными заборами, все так же пышущими солнечным жаром.

Улица была безлюдна и пустынна. Даже воробьи не прыгали на дороге. Егор миновал немало запертых ворот, когда его взгляд скользнул по вывеске «Джелал-Буйнакский леспромхоз». Егор машинально повторил название вслух и вдруг остановился. Сердце его забилося сильнее. Он быстро соображал. Полковник Сапегин ведь работал и охотился в лесах. Уж где-где, а в леспромхозе должны были знать о нем. Если здесь и не скажет один, так другой наверное знает. Спрос не беда.

Где же полковник Сапегин?

I

Егор быстро открыл калитку и вошел во двор. Три пса спали у крыльца в тени деревьев. Они сейчас же подняли головы и насторожили коротко обрезанные уши.

– Барс, там лечь! – сказал Егор, показывая Барсу на дерево, стоявшее у ворот снаружи.

Барс послушно вышел на улицу и сел в тени шелковицы у ворот. Егор не без трепета прошел мимо могучих собак, покрытых множеством шрамов, но они опустили головы и даже не взглянули на него.

Егор подошел к дому.

На стук никто не отозвался. Егор толкнул дверь рукой, и она со скрипом отворилась. Он вошел в сени. Здесь было прохладно и пахло лекарствами, с потолка свисали пучки сухих трав. Первая комната была уставлена шкапами и образцами спиленных древесных стволов.

– Есть кто? – позвал Егор.

Никто не отозвался. Только монотонно жужжали мухи под потолком. Во второй, очень большой комнате, где стояли письменные столы, а на стенах висели карты, Егор увидел старуху.

– Пошел, пошел! – Она сердито замахала руками на Егора.

– Мне надо начальника, – решительно заявил Егор.

– Начальника ему, ишь ты! Если пакет, я приму. Вот еще неугомонный!

– Мне надо поговорить с начальником, и сейчас же, – настаивал Егор.

– Как же, будет он с тобой говорить! Сейчас перерыв, он отдыхает! – И старуха махнула рукой на домик, стоявший во дворе.

Егор направился к домику. Но и здесь на его стук никто не ответил. Егор слегка приоткрыл дверь, просунул голову и в полутемной комнате с окном, завешенным одеялом, разглядел на ковре, среди подушек мужчину, спавшего в одних трусах. На стене висели охотничьи ружья, кинжалы, рога диких козлов и чучело кабаньей головы с огромными белыми клыками.

Егор вошел в комнату. Но из угла к мальчику молча бросилась большая собака с обрезанными ушами и хвостом. Егор отскочил за дверь и захлопнул ее. Собака залаяла.

– Кто там? – послышался недовольный сонный голос.

– Это я, Смоленский Егор Иванович!

– Кто, кто?

– Егор Иванович Смоленский, по делу.

– Сейчас перерыв... По какому делу?

– По личному.

– Ну, заходите. Флейта, на место! Входите!

Мальчик осторожно вошел в полутемную комнату и направился к мужчине.

Собака улеглась в углу, положив голову на лапы, и не сводила глаз с Егора.

– А ты откуда, клоп? – спросил мужчина, глядя с изумлением на Егора.

– Я и есть Смоленский Егор Иванович.

– А-а-а... Ну, садись на подушку... Впрочем, лучше на ковер – на подушке жарко, как на сковородке. Чай будешь пить?

И, не дожидаясь согласия, мужчина протянул руку к подносу на низеньком круглом столике и налил из чайника густого, почти черного чаю в две разрисованные пиалы.

– Пей, – сказал он Егору и сам шумно и быстро выпил, почти проглотил, чай так, что у него в горле забулькало, и, схватив с ковра полотенце, вытер им широкое потное лицо, бритую голову и шею.

Егор осторожно взял пиалу, напомнившую ему домашнюю полоскательницу, отпил несколько глотков теплого вяжущего чая и молча поставил на столик.

Тут только он заметил, что светлая полированная поверхность столика покрыта красивыми узорами. Он дотронулся до них пальцем.

Мужчина со снисходительной ласковостью смотрел на мальчика.

– Жара... сил нет... И как только ты шел по этому пеклу?.. Да, столик неплохой... из орехового наплыва – есть такие наросты на ореховых деревьях. Человеческая фантазия не придумает такого узора... Что же ты не пьешь?

Егор, чтобы не показаться невежливым, выпил несладкий, горьковатый чай.

– Ну, так по какому делу тебя послали?

– У меня вот какое дело. Вы случайно полковника Сапегина не знаете?

– А что?

Егор поставил на столик пустую пиалу.

– Я из армии. Его воспитанник. Полковник Сапегин – мой фронтовой отец. Его раненого отправили из части в госпиталь. Он писал и звал меня сюда. Я приехал, а нигде не могу его найти. В адресном был – не значится. В военкомате был – тоже нет. Нигде нет. Он и охотник и много работал в лесах, ну, я и решил навеститься к вам в лесничество. Может быть, знаете?

– Сапегин, Сапегин, – задумчиво твердил хозяин, уставившись на пиалу. – О нашем Сапегине, зубном враче, и говорить не приходится – стар, холостяк, а твой молодой. Знаю я одного Сапегина в Ташкенте...

– Мой Сапегин местный, агроном-садовод, из Джелал-Буйнака. Рассказывал, что перед войной часто в горах охотился. Вы же охотник – охотник охотника всегда знает. Вы должны его знать.

– Не слыхал, брат. Я здесь второй год. Тоже из госпиталя... А ты ему что же, родственник?

– Да нет же, я воспитанник его был на фронте! Вместе воевали, а сейчас демобилизовался и приехал к нему с Барсом.

– С кем?

– С его собакой. Барсом зовут.

– А где она, во дворе? – обеспокоился хозяин.

– Нет, на улице.

– Ну, это хорошо. А то у меня, брат, во дворе зверовые собаки. Они не только собаку – медведя берут.

– Барс себя в обиду не даст.

– Да ну! – сразу заинтересовался хозяин. – А какой породы?

– Овчарка. Барс и мины искал, и донесения носил, и раненых искал, и фашистов ловил.

Он превосходно ходит по следу. Ух и пес!

– Да что ты с ним делать будешь? Его и прокормить дорого, и связывает он тебя. Может, уступишь мне? Такой мне нужен. Я бы за ценой не постоял.

– Что вы! Барс полковнику Сапегину жизнь спасал.

– А мне бы такая собачка очень пригодилась, а то на последней охоте двух собак потерял. Секач запорол клыком. Может, уступишь хоть на время, пока будешь искать своего полковника?

– Нет! Фронтовой друг – нельзя!

– Что же ты лепешку в руке держишь и не ешь?

Егор смутился:

– Я вам скажу правду: Барс с утра ничего не ел, надо его покормить. Я, если разрешите, ему дам.

– Ешь, не стесняйся. Этих лепешек да холодной свинины тебе и ему хватит... Вот ты какой! Молодец! Люблю таких! А ведь попадаются твои однолетки, да такие, что не только о других позаботиться, а и себе ладу не дадут! Все им подай, да убери за ними, и то не так, и это... Мой племяш такой. У сестры он один, вот она и портит парня. Дала бы мне на выучку, я бы его научил и обед сварить, и белье постирать, и прореху зашить, и костер разжечь, и землянку построить. Научил бы стрелять, грести; ездить верхом, ходить, плавать – словом, сделал бы охотником. А ты умеешь все это?

– Я же охотник, – ответил на это Егор. – Я, если надо, и мост построю.

– Ну-ну, не заливай, брат!

– Я ведь в саперной части был, всему научился, – пояснил Егор. – Если что надо смастерить там, починить, забор или что другое, я вам в два счета сделаю. Дайте только материал да скажите, где строить. За еду отработаю.

– Ну, ты эти разговорчики брось! Нехорошо. Как же не помочь бывшему фронтовику, да еще охотнику! Сам на фронте был. Пора тебе уже понимать людей, если фронтовиком себя считаешь.

Егор опять смутился и покраснел. Хозяин понял его состояние, лукаво улыбнулся и спросил:

– А у тебя охотничье-то ружье есть?

– А как же! – оживляясь, сказал Егор. – У меня двадцатка. Мне полковник Сапегин подарил.

– А ну покажи, – сказал хозяин.

Егор быстро снял рюкзак с плеч, потом нерешительно посмотрел на собеседника.

– Не бойся, не возьму, – засмеялся тот.

– А знаете, сколько на него охотников было! – горячо откликнулся Егор. – Мне, по представлению полковника Сапегина, Военный совет армии бумагу дал, что я награжден этим ружьем. В вагоне ко мне один пристал – отдай, говорит, а то в милицию заявлю... Ну, и заявил. А в милиции говорят: нет такого закона, чтобы несовершеннолетние оружие имели. Молодой еще! Спасибо, военный комендант вокзала помог. А то совсем было отобрали.

– Знатное у тебя ружьецо! – сказал хозяин, бережно беря стволы, приклад и складывая ружье. – Патроны есть?

– Мало, – с огорчением сказал Егор. – Штук тридцать. Тяжело было тащить.

– Тридцать штук – это по нашим охотам на птицу чепуха! На одну охоту надо иметь сотню патронов. Видишь сундук в углу, возле шкафа?

– Вижу.

– Пойди открой и выбери оттуда все патроны двадцатого калибра. Они мне ни к чему. У меня теперь ружье другого калибра.

II

Егор бросился к сундуку. Собака мгновенно вскочила.

– Лежать! – закричал ей хозяин.

Егор торопливо поднял крышку сундука, окованного железом. Вот где было настоящее охотничье богатство: коробки с порохом, десятикилограммовые мешочки с различными номерами дроби и, кроме того, много патронов. Все лежало в полном порядке, и Егор без труда нашел в одном из отделений патроны двадцатого калибра.

– Их здесь очень много! – сказал он нерешительно.

– Бери, сколько унесешь, а выстреляешь, еще придешь.

Егор взял штук пятьдесят.

– Что так мало? – удивился хозяин.

– Раз вы про полковника Сапегина не знаете, значит, никто не знает. Видно, придется много ходить, пока я найду его, а патроны – они тяжелые... Пойду еще в райком партии. Может, там значится.

– В райкоме не значится, – сказал хозяин. – Это я твердо тебе могу сказать. Я член бюро райкома и знаю всех коммунистов в районе.

– Полковник Сапегин – охотник, – не унимался Егор. – Может, он не в городе, а охотится в горах, как собирался. Он рассказывал мне, что леса здесь удивительные. И зверя много, и птицы, и фруктов... Просто мечта охотника.

– Да, брат, плодовых лесов у нас много: и орехов, и яблок, и фисташек, и груш, и алычи... И не отдельными деревьями. Большие леса. Десятки тысяч гектаров... Собираем, а рук не хватает, и сколько еще пропадает этого добра зря!.. Дикая кабанья морда на этих яблоках да орехах отъедаются... Видишь эти рога на стене? Это лесная косуля. А вон та морда – это кабан-секач. Он своим клыком мгновенно перерубил ногу моему коню, а когда я упал, пропорол мне голень.

– Скажите, – с надеждой в голосе спросил Егор, – а обезьяны есть?

– Обезьяны? Обезьяны... Люди говорили, что встарину где-то южнее были, а сейчас никто не видел... А почему тебя именно обезьяны интересуют?

Дверь распахнулась, и в комнату, тяжело дыша и утирая пот с круглого лоснящегося лица, вошел полный мужчина в белом.

– Как! – воскликнул он. – Ты еще не готов? А я за тобой. Ведь мы же опаздываем!

– Ох, прости, брат! Заговорился! Познакомься с моим тезкой, бывалым фронтовиком и к тому же охотником – Егором Ивановичем.

Егор поспешно вскочил и так крепко пожал руку вошедшему, что тот невольно дернул ее назад.

– Тише ты, медвежонок, – сказал он, – пальцы сломаешь!

Лицо Егора против его воли расплылось в довольной улыбке: он ждал этих слов удивления и восхищения своей недетской силой. Дело было даже не в силе рукопожатия, но в умении захватить в ладонь косточки суставов пальцев чужой руки и прижать их одну к другой.

– Вот ты какой! – удивился гость и, вынув для себя папиросу, протянул серебряный портсигар мальчику.

– Не курю, – не без гордости сказал Егор.

Это был его второй козырь. На фронте было немало всяких искушений для мальчика, который жил среди взрослых мужчин, лишенных семьи и детей. Все его баловали. Но с дружеской помощью полковника Сапегина Егор научился правильно понимать многое и стал серьезнее своих сверстников.

– И правильно делаешь, что не куришь! – сказал гость, громко захлопывая портсигар.

Хозяин надел белые брюки, безрукавку, сунул ноги в сандалии, на голову надел тюбетейку и пошел к двери. Там он обернулся и сказал:

– А ты, Егор Иванович, сиди здесь и жди меня. Я через час буду. Что-нибудь вместе, глядишь, и придумаем... Кстати, ты не слышал о садовом Сапегине? – спросил он пришедшего.

– Сапегин? Садовод? Слышал... Он работал в наших киргизских лесах, не то в горах северо-восточнее Намангана, не то в районе гор Узун-Ахмат-Тау... Ну, пошли.

– Значит, в районе реки Чак, в пчеловодной лаборатории колхоза «Свет зари», где работают Искандер и Василий Александрович? – допытывался начлеспромхоза. – Там был опорный пункт научно-исследовательского института, и там работал какой-то Сапегин, я теперь припоминаю.

– Сапегин мне так и говорил: приезжай в Джелал-Буйнак, найдешь! – радостно воскликнул Егор, сразу воспрянувший духом.

– Для наших мест такого адреса маловато, – сказал гость. – У нас до тридцати рек называются Кара-су, около двадцати – Кок-су, столько же Кизил-су – «красная вода», много долин Арпатала, то есть «ячменная долина».

– Понятно, понятно, – перебил речь гостя Егор. – Значит, ехать надо на эту Кара-су, где пчеловодная лаборатория колхоза «Свет зари»?

Гость бросил взгляд на свои ручные часы и рассеянно сказал:

– Да-да, там... Мы опаздываем! – и заспешил к двери.

– Эй, Семеновна! – позвал хозяин.

III

Древняя старуха, шаркая по полу подошвами шлепанцев, вошла в комнату.

– Накорми и напои маленького гостя, – распорядился хозяин. – А ты, – обратился он к Егору, – жди меня. Возьми эту старинную книгу, там об охоте много, да почитай. – Он взял с этажерки книгу, наудачу раскрыл ее. – «Они делают из звероловства общественное занятие, – начал читать хозяин. – И действительно, звероловство приучает вставать рано, сносить стужу, зной, оно укрепляет силы... Против нападающих зверей употребляются лук и дротик. Звероловство поощряет и храбрость, ибо ежели сильный зверь бросается с яростью на ловца, то ловец должен уметь и разить его и защищаться... Отправляясь на охоту, мальчики несут с собой свою пищу... До тех пор, пока продолжается ловля, они не едят ничего... Мальчиков приучают к такому образу жизни для того, чтобы он не показался им трудным, когда оборона страны сделает этот образ жизни для них необходимостью...»

– Ты с ума сошел! – закричал гость в белом, заглядывая в дверь. – Мы опаздываем, а он книги читает!

– Кончаю, кончаю! – сказал хозяин, отмахнувшись от него рукой, чтобы он не мешал. – «Чувство взаимной любви сопрягает людей, разделяющих одинаковые опасности. Люди любят то, что возбуждает соревнование, охота же вызывает наибольшее...» Вот как. Здорово?.. Ну, иду, иду, не сердись! – крикнул он гостю и поспешно вышел вместе со своей собакой.

Егор тотчас же подумал о голодном Барсе, ожидавшем у ворот.

– Шляется тут всякая шантрапа! Того и гляди, что-нибудь стянет! – заворчала старуха, как только затихли шаги хозяина.

– Легче, бабушка! – предупредил Егор.

– А чего «легче»? Ты что это все кругом оглядываешься?

Егор протянул было руку, чтобы взять со стола лепешку и мяса и отнести Барсу, но старуха стояла рядом и подозрительно на него смотрела.

– Все вы, – не унималась она, – шантрапа несчастная! Была бы моя воля, и во двор бы вас не пускала! Пользуются тем, что Егор Иванович душевный человек!

– Твое счастье, что ты старая, – не выдержал Егор, – а то я бы тебе ответил...

– Ах ты разбойник! – закричала старуха, будто она только и ждала этих слов. – Вот позвоню сейчас в милицию, узнаешь, что бывает за хулиганство!

– Эх ты! – только и сказал Егор.

Он вскочил, выбежал из комнаты и так хлопнул дверью, что на пол посыпалась штука-турка.

Запечатанный пакет

I

На улице Егора окликнул маленький мальчик. Он сказал, что Борис разослал пионеров по городу на поиски фронтового воспитанника полковника Сапегина. Мальчик вызвался проводить Егора.

– Может, нашли полковника Сапегина? – радостно спросил Егор.

– Конечно. Раз наша пионерская дружина взялась за это дело, иначе не могло быть, – сказал маленький проводник с гордостью. Но где и как нашли Сапегина, он не знал.

Не обращая внимания на жару, мальчики побежали с Барсом по улице. Пионер привел Егора в сад и оставил его там ждать под деревьями, а сам пошел за Борисом.

– Слушай, малый! – крикнул ему вдогонку Егор. – Может быть, притащишь что-нибудь поесть Барсу? С утра пес ничего не ел.

Мальчик закивал головой и убежал.

Старая шелковица привлекла Егора своими невиданно крупными красными и черными ягодами. Он съел одну, вторую, третью... Длинной в полпальца, кисло-сладкие, они были так сочны, что сок стекал по пальцам. Теперь, когда Егор знал, что полковник Сапегин найден, он успокоился и вдруг сразу захотел есть. Егор влез на шелковицу. Он быстро рвал ягоды, все больше пачкая соком пальцы. Впрочем, в его характере было делать все быстро.

Снизу раздалось рычание Барса. Егор посмотрел сквозь ветви и увидел идущих по дорожке Бориса и незнакомого стройного юношу-киргиза. Юноша шел, мягко ступая, почти бесшумно.

– Нашелся твой Сапегин! – радостно закричал Борис, бросаясь к Егору. – Гарун говорит, – Борис показал рукой на юношу, пришедшего вместе с ним, – что Сапегин работает на опорном пункте научно-исследовательского института в ущелье Чак.

– Гарун, – назвал себя юноша и протянул руку Егору.

Мальчик крепко пожал ее.

– Гарун – старший вожатый нашей школьной пионерской дружины, – поспешно пояснил Борис. – Он разъездной корреспондент районной газеты и знает все на свете. Это он мне сказал о Сапегине.

– Слышал, Егор, о тебе! – участливо сказал Гарун и жестом пригласил сесть на траву. Он внимательно, но без назойливости всматривался в Егора.

– Вот спасибо вам! – сказал обрадованный Егор. – Я слышал то же самое в леспромхозе, и признаюсь, и верил и не верил.

– Значит, поедешь к Сапегину? – спросил Гарун.

– Вот только сбегая в леспромхоз, узнаю маршрут и тотчас же двинусь в путь-дорогу.

– Хочешь отправиться вместе с нами в Пчелиный город на Ореховом холме? – вдруг спросил Борис и вопросительно посмотрел на Гаруна.

– Не могу: не по дороге, – отказался Егор.

– Это одно и то же место! Теперь его еще называют Зеленой лаборатория, – вмешался Гарун. – Во время войны на пчеловодном опытном участке колхоза, расположенном в горной долине, работал также опорный пункт научно-исследовательского института. На этот специальный опорный пункт – а таких было много – из Украины и других мест была временно эвакуирована часть самых ценных коллекций растений, сортовых семян, и там продолжалась научно-исследовательская работа.

– Я найду этот опорный пункт научно-исследовательского института, – решительно заявил Егор.

– Его почти нет, – сказал Гарун.

– Как так «почти нет»? – воскликнул Егор.

– Это был временный опорный пункт, и теперь этот пункт свернут и возвратился на старое место. Правда, кое-что осталось в наследство колхозу. Я не буду объяснять тебе сейчас принцип размещения и работы сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений, – сказал Гарун, – это займет очень много времени, но знай, что во время войны научно-исследовательская работа не прекращалась ни на час ни в Москве, ни в Сибири, ни в Средней Азии. Работали везде. Советские люди, спасавшие ценные сортовые семена от фашистов в порядке плановой эвакуации или переносившие эти семена через линию фронта, с тем чтобы в тылу решать проблемы еще большего повышения урожайности, проявляли не меньше героизма, чем бойцы первой линии. Если ты и все бойцы на фронте всегда были сыты, то благодаря заботам партии, труду миллионов трудящихся в тылу... – Гарун разошелся и хотел продолжать, вспомнив одну из своих статей на тему о героической работе тыла.

Но Егор прервал его речь.

– А куда переведен опорный пункт? – взволновался Егор.

– Свернут, – повторил Гарун. – Но реэвакуация¹ еще не совсем закончена, и занимается этим твой Сапегин, прибывший несколько месяцев назад. Вот почему ты застанешь его в Зеленой лаборатории.

– Ясно! – воскликнул Егор и облегченно вздохнул.

– А идти далеко, – сказал Гарун. – Дикая горы. Да и дороги ты не знаешь.

– Волков бояться – в лес не ходить. А я ведь бывалый фронтовик, и со мной Барс, – весело сказал Егор. – Барс один тысячи простых собак стоит. Лесов и гор я не боюсь. В Карпатах и в Судетах не заблудился, а уж у себя дома не пропаду!

Гарун внимательно осмотрел Барса.

– Ученый? – спросил он, кивая на собаку.

– Профессор! – не без гордости отозвался Егор. – Он и мины искал, и патроны подносил, и в секрете сидел, и караулил нас, и фашистов догонял.

– А нюх как? Не испортил?

– О, – воскликнул Егор, – он превосходно искал парашютистов, у него и верхнее и нижнее чутье!

– Парашютистов? – переспросил Гарун. – Интересно! Значит, он ходит по следу?

– Ну, ходит, – сразу насторожившись, ответил Егор. Попытки разузнать все о собаке, а затем постараться отобрать ее под благовидным предлогом были ему уже знакомы.

Гарун задал еще несколько вопросов недоумевающему Егору и спросил:

– Ну как, хочешь ехать с Борисом и со мной в ущелье Чак к твоему Сапегину? Ты поможешь нам в нашем деле, а мы со своей стороны поможем тебе добраться туда.

– В каком это вашем деле? – любопытствовал Егор.

– Ты пионер? – спросил Борис.

– Конечно, пионер. Еще с 1941 года в Ленинграде. Только в армии пионерской организации не было. Я в комсомол хотел вступить – одного месяца не хватило. А рекомендации у меня есть.

– Вот хорошо, – сказал Гарун. – Я знаю, что ты против того, чтобы мучить птиц и животных!

– Конечно, против.

¹ Реэвакуация – возвращение вывезенного из прифронтовой полосы в места первоначального пребывания.

– Ты против того, чтобы грабить и разрушать сады и леса? Разорять гнезда, браконьерствовать?

– Я охотник, – ответил Егор.

– Ты, Егор, человек опытный, фронтовой, с прекрасной служебной собакой и мог бы очень помочь пионерской разведке, – сказал Гарун. – Ты был бы заместитель командира разведгруппы.

– Гарун, – неожиданно окликнула юношу какая-то девочка, подходя к ним, – тебя из редакции разыскивают, звонили по телефону.

– Потолкните без меня. Я скоро вернусь. – И Гарун исчез за кустами вместе с девочкой.

II

– Я председатель нашей пионерской дружины, – пояснил Борис, – а Гарун, как я сказал, старший вожатый дружины. Он учился в нашей школе и еще год назад был секретарем комсомольской организации школы, и кроме того он член райкома комсомола. В ущелье Чак есть...

– Я знаю, – перебил Егор, – опорный пункт научно-исследовательского института.

– Это было. Там находится пчеловодный и плодовый опытный пункт колхоза «Свет зари», ну, словом, хата-лаборатория. Мы хотим помочь колхозу в работе по облагораживанию плодовых лесов. Прежде чем идти туда всем пионерам Четвертой дружины, совет дружины посылает разведгруппу для разведки маршрута и выяснения положения на месте. Кандидатов в разведгруппу было немало. Отобрали отличников, кто уже бывал в походах, хорошо выполнял общественную нагрузку и, самое главное, знает порученное ему дело. Я руковожу юннатами нашей школы. Во время войны мы помогали собирать лекарственные травы, зеленые орехи и шиповник для получения витаминов. Мы много помогали и помогаем колхозам. В этом году у нас занятия начнутся только с первого октября, и мы во многом сможем помочь лаборатории. Совет дружины утвердил разведгруппу в составе четырех человек: я начальник, потом Рома Крестьянинов, тоже отличник, мой заместитель по группе юннатов; сын лесничего, он знает лес, как академик. Третий – Топс, Алеша Омельченко. Он одно лето работал в геологической партии, а потом в почвоведческой. Есть ребята получше его, да он знает маршрут, потому что бывал там со Степкой Пхановым и с Пхановым отцом ездил в колхоз за фруктами. Он хоть и с ленцой, но парень сильный, выносливый и умеет варить и жарить. Сладостен, правда. Четвертый – Гномик, Толя Батов, тоже отличник, хорошо знающий всяких там жучков-мошек-тараканов. Он правая рука нашего учителя зоологии Михаила Ивановича и очень помог пополнить коллекции зоокабинета. Он умеет делать чучела птиц и зверей, собрал коллекцию яиц диких птиц, коллекцию насекомых, бабочек. Только у Гномика дурацкая привычка таскать в карманах змей. Ему не раз за это попадало.

– Парень не из трусливых, – согласился Егор.

Борис рассказал о том, что пионерской разведкой руководит Гарун. О том, что это умный, смелый и энергичный парень. Гаруна все пионеры любят и уважают, а его статей и фельетонов всякие нарушители как огня боятся. Это он поднял пионеров на сбор витаминов для госпиталей и на помощь колхозникам. Гарун даже в «Комсомольскую правду» пишет и в «Крокодил». Широкая пионерская помощь Зеленой лаборатории – тоже его идея. Райком его поддерживает. А дело было так, Гарун получил заметку от пионервожатой Гюльнаны из колхоза «Свет зари». Еще весной пионеры колхоза взяли на себя обязательство помочь фронту быстрой уборкой хлопка... Война окончилась еще в мае. Сейчас заканчивают испытание новой хлопкоуборочной машины. Если ее наладят, это освободит многих взрослых сборщиков хлопка. Председатель колхоза Туйгун еще раньше обещал пионерам послать их после уборки хлопка посмотреть Каспийское море. А Искандер, главный пчеловод и плодород колхоза, против этого. Он говорит: «Зачем несколько дней мучить детей перевозкой в душных, пыльных, переполнен-

ных вагонах только для того, чтобы показать им соленую воду? Транспорт и так загружен: сейчас едут демобилизованные. Лучше пусть пионеры поживут в орехово-яблоневых лесах». Вот Гюльнара и просит: пусть инженеры поскорее наладят хлопкоуборочную машину, а пионеры колхоза обещают поработать два месяца в орехово-яблоневых лесах. Конечно, они не хотят ехать к Каспийскому морю. Председатель Туйгун уехал по делам, а его заместитель Садык говорит: «Туйгун сказал – надо пионеров свозить на море, значит надо ехать». Другой бы отнесся к этой заметке формально, но Гарун не такой. Он сразу – в райком комсомола и ставит вопрос о том, что окультуривание лесов – великое дело и это дело не одной только пионерской организации колхоза. И если уже проводить опыт окультуривания, так пусть в нем участвует и Четвертая пионерская дружина. А уж если Гарун за что возьмется, не бросит, пока не наладит...

– Ох, много тебе можно рассказать, – заметил Борис, – но прежде самое главное... Так вот, от кишлака Чак нам идти километров пятьдесят пять. Есть и более короткий путь, но он труден для похода всей дружины. Словом, идти придется дня три, а дружине – дня четыре. Вот и все. Наша разведка будет вестись в секрете, это уж мы сами, участники пионерразведки, так решили.

– А почему секрет? – удивился Егор.

Борис, понизив голос, сказал:

– Есть здесь Степка Пханов...

– Слышал уже! – ответил Егор и рассказал о случае с Толей, умолчав о своей сторублевке.

Тут же он сообщил о своем намерении поговорить о Степке с директором школы.

– В том-то и беда, что Степка не пионер и уже не школьник, – возразил Борис, – он уже год как бросил учиться – не хочет. Зимой он помогает отцу торговать в палатке колхоза «Свет зари», а прошлым летом собирал для «Витаминпрома» зеленые орехи и шиповник. Много собрал. На сбор орехов Степка получил разрешение, но Топс кое-что узнал... Дело в том, что Искандер и Василий Александрович облагородили часть орехового леса. Теперь эти ореховые деревья стали скороспелыми и дают очень крупные орехи. В продажу эти орехи пока не пускали, они еще нужны для научной работы, и вдруг эти орехи появились кое у кого. Это было еще в прошлом году. Говорят, их тайком продавали. А Степка хвастал деньгами, папиросы курил. А в этом году Степка собирается на сбор орехов уже не один, как в прошлом году, а с ребятами. «Я, говорит, всех обгоню. Пока пионеры соберутся, я свой план перевыполню». Все «я, я, я»!

– Значит, вы хотите его накрыть на месте?

– Мы его спрашивали, но он только смеется. Мы решили накрыть его и заставить прекратить это хулиганство. Ученые стараются, работают, изобретают, а он деревья ломает, издается... Словом, его надо... опередить. А для этого надо молчать. Понял?

– Понял.

– Ты раньше не слыхал о Пчелином городе на Ореховом холме?

– Никогда не слыхал.

– Он еще называется Зеленая лаборатория.

– Знаю, знаю: во время войны там был опорный пункт научно-исследовательского института, куда эвакуировали растения. А теперь там только колхозная лаборатория, – почти скороговоркой ответил Егор. – Гарун только что говорил мне.

– Правильно. Там дрессируют пчел, и они берут нектар только с определенных цветов. Это необходимо для лучшего опыления. Но делаются и другие интересные опыты. Ну, вот, скажут Василию Александровичу: «Создайте такой плод, чтобы в нем было, например, тридцать процентов груши, сорок процентов яблока и тридцать процентов айвы», – ученый создаст. Говорят, что там, на опорном пункте института, был поразительный сорт пшеницы, называется она «ветвистая». У обычных пшениц в колосе тридцать-сорок зерен, а у ветвистой – сто пятьдесят, сто восемьдесят и больше. Там есть такие цветы, каких нигде в мире нет. И все

это недалеко отсюда. Ты понимаешь, как интересно!.. Не знаю, правда или нет, а говорят, что охраняют этот сад огромные растения, и у них ползучие гибкие ветки, как у лиан, а цветы, как бочки. Если кто приближается к ним, щупальцы растения хватают неосторожного и тащат в цветок-бочку. А в бочке едкий-преедкий сок. Попадет собака в бочку, бочка сверху сама закроется, а собака растворится в соке и станет пищей для растения.

– Ну?!

– Так говорят... Слышал про росянку? Росянки мух едят, а «зеленые бочки» больших собак и то хватают. А то еще там цветы: огненные шары с голову величиной, а на них желтые нити, как щетка; тронешь нити пальцем – они пристают к пальцу. Рука пухнет. Хуже укуса змеи.

– А ты сам эти «зеленые бочки» видел? – недоверчиво спросил Егор.

– Сам не видел... Люди говорят... Там вокруг сада растет колючая изгородь, не очень-то пройдешь. Во время войны там много ученых работало, а сейчас на опытной пасеке работают от колхоза Искандер и Василий Александрович. Они занимаются не только пчелами, они из диких деревьев культурные делают. Вот наши пионеры и пойдут туда помогать в прививке.

В разговорах прошел почти час, а Гарун все не появлялся. Вдруг Барс поднялся. Раздался топот детских ног по дорожке, и из-за кустов показался мальчик.

– Организовал! – запыхавшись, сказал мальчуган, в котором Егор узнал своего проводника.

Мальчик высыпал на траву возле Барса все, что принес в кульке из газеты. Здесь были куски лепешек, каша, кости.

– Ну, по рукам? Поедем? – спросил Борис.

Мальчики крепко пожали друг другу руки, причем Егор даже забыл о своем приеме «адского рукопожатия».

III

Ничто так не наполняет жизнь содержанием, как возможность участвовать вместе с другими в интересном и большом деле. Ничто так не радует, как сознание того, что и ты тоже делаешь что-то очень полезное и необходимое.

Борис Ладыгин говорил об этом словами отца, часто повторявшимися в его письмах из армии: «Никогда не чувствуешь, что живешь по-настоящему, если не надо преодолевать препятствий».

Воинственный Борис, с детства воспитанный отцом в духе упорства в осуществлении задуманного, стремился к действию. С двенадцати лет, то есть четыре года назад, отец дал ему в руки настоящее ружье и брал с собой на охоту.

С тех пор ни ливень, ни гроза, ни мороз, ни голод, ни трудности пути – ничто не могло остановить Бориса в его охотничьих похождениях.

И все же было одно неосуществленное желание: Борис не смог попасть на фронт, как он ни просил об этом в райкоме комсомола. Не помогло даже письмо, написанное в ЦК ВЛКСМ. Вот почему Егор, юный фронтовик, прошедший, как выражался Егор, повторяя слова Сапегина, «огонь Корсунь-Шевченковского и Сандомирского сражений», воды Прута и Одера, подземные трубы Бреслау, о чем он рассказал еще в парке, для Бориса был воплощением неосуществленной мечты. Борис проникся к Егору уважением и готов был слушать военные рассказы до бесконечности, мысленно участвуя вместе с Егором и полковником Сапегиным в их военных приключениях.

И хотя высокий и стройный Борис внешне очень отличался от невысокого крепыша Егора, но сходство характеров их было поразительно. К вечеру они уже не могли жить друг без друга.

Вот тогда-то Егор узнал от Бориса и другие подробности из жизни Четвертой дружины. Дело было в том, что Первая и Вторая школы собирали витамины: зеленые орехи и шиповник. Третья школа преуспевала в сборе лекарственных растений. И вот дружина Четвертой школы решила не отстать от других. Пионеры, по совету Гаруна, постановили помочь Зеленой лаборатории. Лаборатории помогают, правда, свои пионеры, но они сейчас задерживаются.

– Вот тут-то наша помощь и пригодится. А уж мы покажем класс! Но сначала надо разведать маршрут, узнать, где можно будет делать привалы, какие продукты надо взять для большого похода, и, главное, договориться о помощи во всех подробностях.

Егор томился ожиданием встречи со своим фронтовым отцом и потому принялся за подготовку похода с таким рвением и знанием дела, что удивил всех.

Проверив и пересмотрев весь груз, хранившийся в школе, он сказал, что половину приготовленного груза придется оставить. Борис было воспротивился, но Егор убедил его, пояснив, что, по военным правилам, солдат может нести на себе груз весом не больше половины его собственного веса. Пришлось всем взвешиваться.

Борис весил сорок три килограмма, Егор – сорок два, Ромка – тридцать восемь, Гномик – тридцать два, Топс – пятьдесят один килограмм, чем был очень недоволен, когда узнал, что ему придется нести больше всех.

Ромка не без ехидства спросил Бориса, кто же будет, в конце концов, командовать: Борис или Егор?

– Егор тоже заместитель Гаруна, – сказал Борис.

– Егор здесь без году неделя, а я, можно сказать, старожил. Почему он заместитель, а не я?

Борис сослался на распоряжение Гаруна и на фронтовую опытность Егора. Но Ромку переспорить было трудно. Наконец все сошлись на том, что Ромка тоже будет заместителем.

Егор остался ночевать у Бориса.

IV

Утром пошли в школу и занялись подготовкой груза. Егор развешивал муку, рис, сахар.

– Надо быть готовыми сегодня к вечеру, – нетерпеливо говорил Егор, которому хотелось поскорее выехать.

Ромку отправили в чайхану и на базар разузнать, не будет ли завтра попутной машины. Ехать было далеко: километров сто на машине, так как ехали круглым путем, а там пешком по горам около пятидесяти пяти километров до Зеленой лаборатории.

На следующий день в полдень было опять очень жарко. Борис и Егор упаковывали груз в зоологическом кабинете школы, где были собраны продукты для пионерской разведки.

В дверях стояла толпа любопытных школьников. Учитель зоологии Михаил Иванович деятельно помогал, но старался делать это незаметно. Попутно он рассказывал о своих путешествиях по Памиру и по горам Тянь-Шаня. Это были советы бывалого путешественника о дисциплине в пути, о режиме похода, о гигиене ног, о хранении спичек, об укладке рюкзака и о многом другом.

Больше половины вещей, собранных для пионерской разведки, оказались лишними. Из двух чугунных казанков Егор, посоветовавшись с Михаилом Ивановичем, взял только один. Из шести плащ-палаток – две, из двух топоров – один. Но ружей решили взять два. Одно было Егора, другое Бориса. К ним взяли все имеющиеся патроны, дробь, порох, капсюли, пыжи, спички, соль.

Михаил Иванович громко объявил, что сборы закончены, делать больше нечего и он уходит кормить привезенного ему беркута, чем и увлек «наблюдателей» за собой.

– Борис, а зачем нам брать Романа? – тихо спросил Егор, вспоминая встречу в парке. – Неужели нет более покладистого парня?

Борис пожал плечами и сказал:

– Он вспыльчивый, «поперечный», отчаянный спорщик, зато храбрый и охотник: зимой зайцев стрелял, лисицу убил. Я ведь тебе уже говорил, что он сын лесничего и хорошо знает лес и садоводство. Его уже утвердили. Характер у него трудный, это да...

Борис потер рукой лоб, стараясь что-то припомнить, потом вдруг опустил руки, закрыл глаза и прислонился плечом к стене. Тут только Егор заметил, что лицо у Бориса очень красное и губы дрожат.

– Что с тобой? – встревожился Егор. – На солнце пережарился?

Борис не отвечал. Он опустился на пол и тяжело дышал. Егор побежал во двор, намочил в арыке платок и выжал воду на голову Бориса. Мальчик открыл глаза – они были мутные и блуждающие.

– С утра меня то в жар, то в холод бросает... и голова болит. Думал, пройдет, а сейчас просто искры в глазах, – хрипло сказал он. – Пить хочется.

– Только не заболейте... Ты ляг поудобнее, положи мокрый платок на голову, может, пройдет, – беспокоился Егор.

– Конечно, пройдет. Вот полежу немного. Пережарился на солнце, – прошептал Борис и лег навзничь на землю. – Расскажи что-нибудь, – попросил он.

Взволнованный Егор подложил ему свернутую плащ-палатку под голову.

– Ну, что тебе рассказать? – спросил он. – Я тебе расскажу, как полковник Сапегин гриппом болел.

... Дело было так. Мы строили на льду мост, началась бомбежка, и полковник провалился под лед и заболел. Температура у него была около сорока градусов. Началось Сандомирское наступление, все офицеры штаба армии в частях. Линию противника прорвали... Противник отступает с боем. Связь плохая. Получили сообщение, что одна дивизия уже за городом. Ну, оперативный дежурный доложил, что город взят. Сообщили наверх. А полковник из штаба фронта поехал в город и еле вырвался от фашистов. А о взятии города уже пошло в генштаб... Ну, вот. Вызывает командующий нашего Сапегина. Тот является, еле на ногах держится... «Знаю, что ты болен, – говорит командующий, – а кроме тебя, послать некого». – «Нет, здоров, товарищ генерал», – отвечает Сапегин. «Садись тогда в мою машину, самолет «У-2» уже ждет тебя на аэродроме, лети и разведай, есть ли в городе противник». И Сапегин полетел. Видит – пожары, дым, нашу танковую колонну на дороге... Цепь лежит возле города. Оттуда ему руками машут. Подлетел к окраине – фашисты. Он назад. Только стал разворачиваться, а те ка-ак начали стрелять! Мотор зачихал. Самолет стал снижаться. «Оттяни хоть немного к нашим!» – кричит полковник Сапегин пилоту. А тут фашисты стали снарядами в землю бить, в то место, где самолет должен сесть. Летчик поджал – с километр пролетели и на поле за лесом сели. Летчик починил перебитый провод, и они прилетели на аэродром. Полковник Сапегин доложил командующему, где окопы, где батареи противника, что в городе делается. Освободился он, пошел к себе, и вдруг ему есть захотелось! Измерил температуру – нормальная. Ясно? Переволновался – и вылечился. Вот и тебе надо какое-нибудь потрясение.

– По-стара-юсь! – с трудом ответил Борис, не в силах сдержать лихорадочный стук зубов.

В дверях мелькнула красная майка, и появился Топс. Увидев Егора, он еще издали дружески помахал ему рукой.

– Едем? – деловито спросил он Бориса.

Тот молча лежал с закрытыми глазами.

– Едем, – ответил Егор.

– А что с Борисом? Борис, Борис! – Топс забеспокоился.

Борис приоткрыл глаза и тотчас же закрыл их, бормоча что-то непонятное.

Встревоженные мальчики то окликали Бориса, то щупали его лоб.

– Жар у него, – сказал Топс.

Наконец Борис открыл глаза.

– Нельзя мне болеть, – прошептал он. – Я прыгну в арык...

Борис бредил. Испуганный Топс побежал за учителем. Михаил Иванович пришел в сопровождении директора школы, молодой женщины, Елены Ивановны Скворцовой. В кабинет набилось много школьников. Все были взволнованы случившимся и лезли вперед.

Елена Ивановна расспрашивала мальчиков, где они были, что делали, о чем говорили, стараясь узнать, что же случилось с Борисом. Егор и Топс невпопад отвечали ей и еще больше усиливали ее волнение.

Наконец пришел доктор.

У Бориса оказался приступ тропической малярии.

– Пусть лежит и не встает, – сказал врач.

– И долго ему надо лежать? – допытывался Егор.

– Если все пойдет хорошо, недели через две встанет.

V

Бориса привезли домой и уложили в постель.

Егор и Топс вышли во двор. Топс советовал ждать, пока не поправится Борис.

– Ну что ж, – сказал Егор Барсу, – поедem сами на реку Чак искать полковника Сапегина? Пес завилял хвостом.

На улице перед воротами дома Бориса загудела машина, закрипели тормоза, и машина остановилась. Какой-то шофер звал Бориса. Узнав, что Борис болен, он передал письмо для Бориса от Гаруна и уехал.

Мальчики поспешили с письмом к Борису. Борис был в жару, его трясла лихорадка, но он был в сознании.

– Читай, Егор, – прошептал Борис.

Егор разорвал пакет и вынул оттуда запечатанный конверт и письмо.

«Я срочно выехал в командировку, – писал Гарун, – так что отправиться с вами сейчас не могу. Поэтому выезжайте без меня, и чем скорее, тем лучше, но не позже чем завтра. Я присоединюсь к вам у южных истоков реки Чак. Там два озера, встретимся у западного. Если случится, что вы придете на указанное место, а меня не будет, вскройте запечатанный конверт, и вы узнаете дополнительное задание. Иногда капитанам судов даются такие конверты с приказом вскрыть их в открытом море на такой-то широте и долготе. Как бы вам ни хотелось заглянуть в конверт, но проявите выдержку до указанного срока. В райкоме комсомола согласны, чтобы Егор Смоленский участвовал в нашей разведке. В райкоме даже хотели немедленно отправить Егора к отцу, но я отговорил: ему будет веселее в пути с вами, и вам он поможет. Лена Чукмасова выдаст разрешение на сбор плодов. Я договорился. Обязательно зайдите к ней и возьмите это разрешение. Итак, до встречи у южных истоков реки Чак. Если будут затруднения с отъездом, секретарь райкома комсомола обещал помочь. Или зайдите к нам в редакцию. Гарун».

Выслушав письмо, Борис долго молчал, потом прошептал:

– Надо обязательно ехать, мы не можем подводить всю дружину из-за моей болезни. У нас только два месяца до начала занятий... До чего обидно получается!

– Не волнуйся, – сказал Егор. – Как только ты поправишься, ты приедешь.

– Я приеду с дружиной. Хотя мне так обидно, но ничего, не будем раскисать. Поезжайте не откладывая. Команду прими ты, Егор. Я на тебя надеюсь... Гарун говорит: ты бывалый. Бери пакет!

Егор спрятал пакет в карман гимнастерки.

Прощаясь, он взял Бориса за руку и сказал:

– Больше жизни, друг! Выздоровливай. Мы будем тебя ждать. – И он долго жал ему руку.

– Ладно, – прошептал Борис. – Спасибо. Ты славный, Егор!

...У Лены Чукмасовой ребят постигла неудача. Чукмасова оказалась в отъезде и должна была приехать только завтра утром. Попутной машины тоже не было.

– Тогда надо пойти в райком комсомола, – сказал Егор. – Так советовал Гарун. Эх, жаль, мотоцикла нет! – И Егор вздохнул.

Топс и Ромка переглянулись.

– Есть мотоцикл, – уверенно заявил Ромка.

– У кого? – удивился Егор.

– У Топса есть мотоцикл с коляской, – пояснил Ромка. – Его оставил Топсу муж его сестры. Мотоцикл стоит в сарае.

– А какая марка? – заинтересовался Егор.

– Кажется, подольский, – ответил Ромка. – Ты разве умеешь ездить на мотоцикле?

– Еще бы! – с жаром ответил Егор. – Меня Максим Иванович Сапегин научил. Я экзамен сдавал. Права на вождение мне авто-бронетанковый отдел армии выдал. Я даже связным ездил.

– Пханов никогда не даст, – решительно возразил Топс.

– Как это «не даст»? Мотоцикл ведь твой? – спросил Егор.

– Мой, – протянул Топс. – Да, ты не знаешь Мустафу Пханова! Я эвакуировался с Украины сюда, к сестре. Она и ее муж – врачи. Оба ушли на фронт. Вот Пханов и попросился к нам в дом. Обещал и крышу починить, и меня к родным отправить – и ничего не сделал. Ну, да скоро сестра с мужем приедут... А мотоцикл мне муж сестры подарил. Степка на нем ездил и попортил. Из-за этого мы с ним и поссорились.

– Ты, Топс, скажи откровенно: разрешаешь взять твой мотоцикл для нашей поездки в горы или нет? Да или нет? Мы ведь по делу едем.

– Да! Только мотоцикл сломан.

– Проводи меня к своему дому и покажи, где стоит мотоцикл.

Вид у Егора был такой решительный, что Топс без колебаний пошел к своему дому. А за Топсом шли Егор, Ромка и Барс. По дороге к ним присоединился Гномик.

VI

Мальчики вошли в сарай. Там стояла запыленная серая машина с коляской. Егор нажал кнопку сигнала – гудка не было. Он включил зажигание, снова нажал – раздался еле слышный хрип, который тотчас же оборвался.

– Аккумулятор сел, – заявил Егор. – Заряжать долго. Если бы достать новый... – И Егор с надеждой посмотрел на Топса.

Тот безнадежно развел руками.

– А Николай Антонович, наш учитель физики! – вдруг в радостном возбуждении закричал Ромка. – Он недавно помогал гаражу МТС наладить массовую зарядку аккумуляторов для всех машин в городе и колхозах. Я сейчас сбегаю к нему. Скорее снимайте аккумулятор с мотоцикла! – Ромка схватил аккумулятор и умчался.

Егор осмотрел скаты. Одна камера совсем спустила. Остальные держали воздух, но требовалось их подкачать.

Пока Егор латал снятую камеру, Топс подкачал остальные. Потом все они, подражая Егору, колотили ногами тугие скаты, пробуя сопротивление.

Вскоре в сарай с криком «есть!» вбежал Ромка. Волнуясь, спеша и мешая друг другу, ребята установили принесенный аккумулятор. Егор нажал сигнал – раздался мощный, густой звук, от которого у мальчиков радостно забились сердца.

– Работает! – восторженно крикнул Егор.

Охваченный азартом, он вскочил в седло. Упершись ногой в педаль, он дал ее до отказа вниз. Мотор хлопнул и затих... Проверили бензин в баке. Полно.

Возбуждение Егора передалось Ромке.

– Дай-ка я крутну, дай я! – твердил он, мешая своей ногой Егору.

– Пустите меня, – решительно потребовал Топс, – пустите меня!

Но Егор даже не посмотрел на них. Он самозабвенно крутил правую ручку «газа» и левую – «опережения», нажимал педаль «завода». Мотор молчал. Егор устал, капельки пота выступили на его лице, но он не сдавался.

– Дай-ка я! – услышал Егор незнакомый голос, оглянулся и увидел стоявшего рядом пожилого мужчину с веселыми голубыми глазами.

– Николай Антонович, не работает! – одновременно закричали Ромка, Гномик и Топс.

Егор почтительно уступил место учителю физики. Тот не стал заводить мотор, а вывинтил обе железные свечи, служившие для зажигания горючей смеси в цилиндрах. Обе были покрыты толстым черным слоем мокрой копоти.

– Ты, что ли, главный механик? – И Николай Антонович поднес свечи к носу Егору.

– Ой, как их забрызгало! – только и сказал смутившийся Егор.

– Ну, что же надо сделать? – спросил Николай Антонович.

– Прокалить, – быстро ответил Егор.

– Правильно. Прокалить, снова прочистить и проверить работу контактов на искру. А ну-ка, действуйте сами.

– Я знаю! – вызвался Ромка. – Я не раз видел, как шоферы прокаливают свечи на костре.

Суется и стараясь сделать получше, ребята под наблюдением Николая Антоновича прокалили свечи на костре, разложенном во дворе, прочистили их, проверили на искру и ввинтили обратно. Завести мотоцикл Николай Антонович поручил Егору. Наконец мотор послушно затарахтел, заволакивая сарай синеватым дымом. Николай Антонович перехватил ручку и уменьшил газ.

Ребята дружно закричали «ура».

– У тебя удостоверение водителя есть? – спросил Николай Антонович. – Глядите, чтобы не остановили.

Егор показал удостоверение, а Топс сбегал и принес паспорт на мотоцикл.

– Ну, вот и прекрасно! – заметил учитель, садясь в коляску. – А теперь отвези меня в школу.

Егор сел на мотоцикл, приказал Барсу лежать в сарае и выехал за ворота в сопровождении бежавших рядом ребят.

– Вы, друзья, ждите здесь, – посоветовал Николай Антонович.

Мотоцикл умчался.

VII

Вскоре Егор опять въехал во двор и ловко развернул мотоцикл.

– Ну как? – в один голос закричали ребята, понимая, что учитель физики поехал с целью проверить умение Егора.

– Все в порядке! – ответил Егор, отер рукавом пот на лице и счастливо засмеялся. Сердце мальчика трепетало от радостного волнения. – По машинам! – крикнул Егор, и Барс бросился к коляске.

Топс сел на заднее сиденье, Ромка и Гномик – в коляску, туда же прыгнул Барс. Мотоцикл затарахтел и, наполняя двор дымом, покатил к воротам.

Егор так быстро выехал на улицу, что мотоцикл рвануло и пассажиров чуть не выбросило. Все засмеялись. Мальчикам было весело и от быстрой езды, и от сознания, что мечта их исполняется. Они ехали! Ехали на настоящем мотоцикле по улице, и ребята, завидев их, махали им руками и с радостными возгласами бежали вслед за ними в туче поднятой пыли.

Быстрая езда, сознание своей силы, восторженные возгласы встречавшихся ребят привели мальчиков в крайнее возбуждение. Расхрабренный Топс поднял руку и прокричал:

– Они пять раз пронеслись вокруг земного шарика и теперь мчались в дикие горы воевать с драконами и разыскивать полковника Сапегина. Вперед!

– Стой! Тормози! – крикнул Ромка у дома Бориса, хватаясь за ручку, чтобы уменьшить газ.

Мальчики хотели попрощаться с Борисом, но его мать непустила их к больному. Борис опять лежал в бреду.

Мальчики подъехали к школе. Топс, Ромка и Гномик перетаскивали вещи, а Егор укладывал их в коляску. Захватили ружье Бориса – ижевскую одностволку с боеприпасами – и полмешка соли сверх плана, из расчета, что придется солить дичь.

– Мои цветные карандаши и краски остались дома, – вспомнил Гномик.

– Очень нужны твои краски! – возразил Ромка.

Однако Гномик сбегал домой и принес краски. Его провожала тетя Глаша. Наконец закончили погрузку и уселись, как раньше.

– Прокатите и меня, – попросил Павлик, который присутствовал при укладке.

– Некуда, – возразил Топс, сидевший на заднем сиденье и ревниво поглядывавший на Егора.

– Ничего, пусть прицепится сзади тебя, – сказал незлопамятный Егор. В пылу радости он был готов облагодетельствовать весь мир.

Торжественные проводы школьной разведки не были запланированы. Указания мальчики получили заранее. Все же к их отъезду у школы собралось много пионеров. Был здесь и старый учитель зоологии Михаил Иванович, страстный любитель края.

Последнее напутствие Михаила Ивановича прозвучало, как речь. Егор обещал от имени всех отлично выполнить задание.

– Вам не придется долго засиживаться, – сказал Егор напоследок.

Мать Ромки сунула большой узел со всякой снедью. Мотоцикл помчался по улице под громкие крики пионеров. В конце улицы ссадили Павлика.

– Направо! – крикнул Ромка.

И они помчались по проселочной дороге, поднимая за собой пыльную завесу.

Часть вторая

Старт

I

Справа и слева вдоль дороги тянулись фруктовые сады и виноградники. Вскоре показались хлопковые поля. Так ехали больше часа. Потом поля исчезли, и «разведгруппа» выехала к невысоким голым глиняным холмам, усыпанным мелкими камешками. Дорога была без выбоин, как асфальт.

– Прокатить с ветерком? – вызывающе спросил Егор, озорно прищулив глаза.

– Страсть как люблю быстрых лошадей! – отозвался Ромка.

– А разве плохо быстрее всех бегать, быстрее всех плавать? – спросил Топс.

– Прячьте шапки и крепко держитесь друг за друга, – предупредил Егор и сунул в карман пилотку.

Мотоцикл выехал на холм. Егор дал полный газ, и мотоцикл помчался вниз по пустынной ровной дороге, к холму, видневшемуся километрах в трех впереди. Замелькали кусты. Мимо поплыли холмы. От быстрой езды было и сладостно и жутко. Ведь так чудесно мчаться на мотоцикле веселой компанией все вперед и вперед!

Мотоцикл сильно тряхнуло. Егор сбавил газ и засмеялся, и все засмеялись, вытирая слезившиеся от ветра глаза. Опять началась пыльная дорога меж садов.

Проехали пять кишлаков. Солнце опустилось к горным вершинам.

– Мы проехали километров тридцать пять, – сказал Топс, – и скоро вечер. Ночью я дорогу не знаю, и спросить будет не у кого.

Ночевать ребята остановились на окраине ближайшего кишлака. Мальчиков тотчас же окружили сельские пионеры. Ромка охотно отвечал на все вопросы. Гостеприимные пионеры, восхищенные услышанным, настойчиво звали ребят ночевать в дом. «Разведгруппа» гордо отказалась, но согласилась спать на принесенной толстой кошме.

Проснулись ребята поздно. Вокруг них, на почтительном расстоянии от Барса, сидели пионеры. Все они принесли угощение – лепешки, виноград, инжир – и наперебой принялись угощать путешественников. Топс был в восторге. Да и все были горды оказанным им вниманием. Потом гостеприимные хозяева бегом провожали уезжавший мотоцикл.

Во второй половине дня запыленный мотоцикл с мальчиками и собакой подъехал к большому шоссе. Егор остановил машину под деревом.

– Устроим военный совет, – сказал он, – и всё решим. И давайте условимся: если уж примем решение, то все будем выполнять. Слезай с машины.

Ребята нехотя слезли с машины и уселись вокруг мотоцикла. Ромка, заметив на груди Егора свисток на веревочке, привязанный к карману гимнастерки, свистнул в него, но свиста не получилось, зато Барс мгновенно вскочил и подбежал к Ромке.

Егор засмеялся.

– Ты чего? – смутился Ромка. – Я могу исправить свисток.

– Это особый свисток, – сказал Егор. – Он исправный, но его слышит только собака, а человек не слышит.

– А ну дай! – попросил Топс и подул в свисток.

Барс насторожился и стал оглядываться.

– И я, и я! – закричал Гномик.

Ребята не успокоились до тех пор, пока каждый не подул несколько раз в свисток, не издававший никаких слышимых звуков.

– Надо осмотреть машину, – сказал Егор и стал осматривать мотоцикл.

Сиденье было потертое, краска во многих местах облезла, разные скаты и коляска с другой машины говорили о том, что мотоцикл был далеко не новый. Топс, услышав это, обиделся и заспорил, что «машина как новая».

– Это ее Пханов попортил, а была она новая, – обиженно твердил он.

Егор проверил свет – фара горела. Он ударил, как заправский шофер, каблуком в скат, чтобы попробовать, не спустила ли шина, и все ударили.

– Слабовато, – сказал Егор.

И тотчас же все ребята вызвались помочь ему подкачать. Гномик вынул насос, но его выхватил Топс.

– Я не могу допустить, чтобы моя машина была не в порядке, – сказал Топс. – Давай насос.

Наконец машина была осмотрена, и все пришли к заключению, что хоть она и не совсем новая, но хорошая.

II

– Военный совет начинается! – объявил Егор и сел под деревом.

Все сели в кружок. В середине разлегся Барс.

– Вот что, хлопцы, – сказал Егор, – вы все знаете, зачем мы едем в горы...

– Знаем, знаем – разведгруппа! – прервал его Ромка.

– Так вот, если мы найдем полковника Сапегина, он нам во всем поможет. Это, ребята, самый храбрый, самый справедливый, самый честный человек и самый веселый. А сейчас сочиним боевое донесение Борису о нашем мотомарше! – И Егор достал из своего рюкзака блокнот и конверт.

Ребята спешили, и получился длинный бестолковый рапорт. Он никому не нравился. Топсу хотелось описать все очень ярко. Егор хотел писать кратко, как и полагается в боевом донесении. Ромка настаивал на подробном описании всех мест и событий, а Гномик хотел одного: скорее ехать.

Наконец написали так:

«Неизвестная высота на Ляхшском шоссе, под деревом, 16 часов 17 минут. 5 августа 1945 года.

Председателю совета 4-й пионерской дружины т. Б. Ладыгину.

Едем нормально. Все 4 активных штыка и Барс здоровы. Машина в порядке. Осталось 17 километров до урочища реки Чак. Завтра рано утром выступаем на разведку маршрута».

Егор подписался: «Воспитанник полковника Сапегина Егор Смоленский».

– А мы тогда как же? – спросил Ромка. – Уж лучше пиши: «Разведчики», и мы все подпишем.

– Разведчики чего? – спросил Топс.

– Известно чего, – отозвался Ромка, – разведчики маршрута зеленой страны, куда мы едем...

– Ладно, – согласился Егор. – Но раз мы разведчики, то, чур, быть боевыми, такими как полковник Сапегин: храбрыми, честными, не трусить, чтобы один за всех, все за одного. Кто «за» – поднимите руки.

Все подняли руки.

– Этого мало, – сказал Егор. – Раз мы разведгруппа, то должны принять клятву, как в армии.

Где-то вдали на дороге послышался шум машины.

– Надо скорее ехать, – нетерпеливо сказал Гномик.

Егор, пошатываясь на одеревеневших ногах, вышел на шоссе. Мимо проносились машины. Егор поднял руку, но два грузовика проехали один за другим не останавливаясь. Наконец вдали показалась легковая машина. Егор вышел на середину шоссе и снова поднял руку. Машина остановилась.

– Вот письмо. Бросьте, пожалуйста, в почтовый ящик в городе, – попросил Егор, подавая шоферу конверт через открытое окно.

– Брошу, – пообещал шофер. – А спичек у тебя нет?

Егор подал коробку, сказав «возьмите себе», и спросил, куда ведет эта дорога.

– Эта? На юг, в город Ош, а оттуда, хочешь, мчись по хорошему шоссе через Памирские горы хоть в Хорог; а свернешь на ближней развилке вправо – попадешь в Фергану.

– А там что? – Егор махнул рукой на северо-восток.

– Там? Узун-Ахматский хребет и Ферганский хребет.

– А где река Чак?

– Там же. Если ехать напрямик, то по этой проселочной. – Шофер показал на дорогу по ту сторону шоссе. – Если стемнеет, держи на свет.

– На какой свет?

– Электрический! Он отражается на ближних скалах. Оттуда недалеко до колхоза «Свет зари».

Скоро машина исчезла из виду. Егор подлил бензину из запасного бачка, и мотоцикл снова тронулся в путь.

Вот тут-то и оправдалась пословица, что не всякий короткий путь самый быстрый. Они попали на очень плохую дорогу и ехали медленно, так как мотоцикл был перегружен.

III

Быстро темнело. Ребят растрясло, они устали и молчали.

– Никакого света не видно. Может быть, подождем, пока взойдет луна? – предложил Ромка. – Она уже всходит перед нами справа. – И Ромка показал вперед.

– Почему же она всходит на востоке? – неуверенно заметил Гномик.

– Ребята, да это, может быть, и есть тот самый свет? – поспешно спросил Топс.

Егор, мучившийся сомнениями, не заблудились ли они, сразу включил фару и поехал быстрее. Они доехали до перекрестка, откуда расходилось три дороги.

Меж деревьев и кустов, окаймлявших дорогу справа, ребята увидели поле, ярко освещенное электрическим светом, и услышали близкий шум работающих тракторов.

– По какой же дороге ехать? – спросил Егор у Топса.

Тот не ответил, и Егор остановил мотоцикл.

– Я здесь не ездил, – признался Топс.

– А еще хвастался, что знаешь дорогу в кишлак! – нетерпеливо сказал Ромка.

– Сбегай и спроси у трактористов, – сказал Егор. – Я не буду глушить мотор.

Топс слез и пошел на освещенное поле. Яркий сноп света на поле почти исчез. Было слышно и видно, как тракторы прошли поблизости, освещая путь фарами. Топс не возвращался.

– Сбегай ты, Ромка, – попросил Егор.

Ромка что-то недовольно пробурчал себе под нос и пошел на поле.

Шли минуты. Ни Топс, ни Ромка не возвращались.

– Заснули они там, что ли? – сердился Егор.

– Я сбегая позову их, – вызвался Гномик и бегом побежал к полю.

– Ну и народ! – сердито сказал Егор через несколько минут.

Он заглушил мотоцикл и, оставив Барса стеречь, пошел в кусты. Егор сразу увидел всех троих. Их силуэты резко выделялись на фоне света от тракторных фар.

– Что вы стоите, как заколдованные? – спросил Егор, подходя к ним.

– Не можем найти трактористов, – скороговоркой, как одно слово, выпалил Ромка.

– Да вон же тракторы! Не видите, что ли? – вспыхнул Егор.

– А трактористов нет, – озадаченно сказал Гномик.

– Загадочная картинка, – насмешливо отозвался Егор, – читатель, найди, где на этом рисунке охотник, барс, лиса, топор, ружье.

Он внезапно умолк. Яркий свет прожектора осветил тракторы, тащившие плуги и бороны. За первым трактором уступом справа шел второй, за тем третий. Моторы работали, фары светили, а трактористов не было видно. Тракторы работали сами, без трактористов. Это было и странно, и немного страшно.

Теперь молчали все четверо, не сводя удивленных глаз с тракторов, поворачивавших по кругу.

– Мальчики, уйдите с опытного поля, сейчас же уходите с опытного поля! – раздался очень громкий голос, очевидно, в радиорупор.

Все четверо сразу же побежали прочь. Впереди мчался Ромка. Вначале свет прожекторов ослепил мальчиков. Ромка сбился с направления, но они поняли это, только забежав в неосвещенное хлопковое поле, показавшееся Ромке кустами. Здесь они увидели большую непонятную машину. По ту сторону ее, у освещенного лампочками механизма, стояли трое. Их-то и спросил Егор о дороге в колхоз «Свет зари».

– Крайняя слева, – ответил молодой человек в комбинезоне и направил луч света на ребят. – Вы откуда? – спросил он, удивленный их появлением.

– Как это так – тракторы работают без трактористов? – быстро спросил Ромка.

– Уходите, ребята, не мешайте, – строго приказал старик в спецовке.

– Управление по радио, – пояснил молодой человек, видимо, довольный их восторженным удивлением.

– Ух, здорово! – только и нашелся сказать Ромка.

– Это вы и управляете ими через эту машину? – спросил Егор.

– Уходите, ребята, вам же сказано! – повторил старик.

А молодой человек пояснил:

– Это опытная хлопкоуборочная машина.

– Соня, занимайтесь своим делом! – сказал суровый на вид старик.

– Хлопкоуборочный комбайн испытывается, он всасывает вату, – пояснил Топс.

– Это устроено по другому принципу, – коротко ответила девушка в комбинезоне, которую Егор принял за молодого человека, и скомандовала: – Кругом марш!

Мальчики весело побежали к мотоциклу.

IV

В призрачном свете луны все казалось таинственным и полным неведомых опасностей: и горная река, с грохотом катившая камни по дну, и темневшие за ней горы.

Егор, Гномик и Барс лежали рядом на плащ-палатке, разостланной на голой земле возле мотоцикла, и ждали возвращения Ромки и Топса, ушедших искать мост через реку. Ромка пошел вправо, вверх по берегу, а Топс пошел влево, по течению.

– А что если на Ромку нападут волки? – вдруг спросил Гномик, поднимаясь на локте.

Егор, раскинув в стороны руки и ноги, лежал на спине, устремив глаза на луну, и после езды по тряской дороге ощущал истинное блаженство. Остывающий мотоцикл издавал странные звуки: он то потрескивал, то скрипел, то вдруг в нем что-то булькало. Егор прислушивался к этим звукам и испытывал гордость водителя за путь, пройденный без аварий.

Конечно, Егор умел ездить на мотоцикле, имел права и ездил на фронте, но не слишком часто и не слишком много. Обычно Егор ездил в минуты затишья, когда у полковника Сапегина было время заниматься ездой. Это бывало не часто. Вот почему первый самостоятельный пробег, законченный блестяще, наполнял Егора сознанием своей силы. Егор испытывал нежные чувства к этому послушному его воле механическому коню. Поэтому Егор в раздумье не сразу ответил на вопрос Гномика, и тот, не дождавшись ответа, лег на спину. Наконец Егор ответил:

– Волки не нападут. Они трусливые.

– Лучше бы дать ему ружье.

– Зачем? Ромка пошел в кишлак. Там увидят незнакомого мальчика с ружьем и пристанут с вопросами: кто, откуда да где взял ружье... Еще и отберут.

– А с Топсом ничего не случится? Налево какие-то заросли... Будет искать мост и вдруг встретит медведя...

– Медведь сам не нападает на человека, а если его сильно испугать, он от страха даже умереть может. Ведь Топс взял с собой одностволку, в случае чего он может выстрелить. А ты не бойся, Гномик. Хуже будет, если к нам змеи приползут. Говорят, их здесь много и они очень ядовитые.

– А ты, Егор, змей не бойся, я их руками беру, – успокоил его Толя.

– А когда ты их хватаешь за хвост, – спросил Егор, – они не шипят так: врещшь, врещшь, врещшь?

Рядом раздалось сердитое шипение змеи. Егор вскочил и испуганно посмотрел на то место, где он только что лежал. Толя громко рассмеялся.

– Ага, испугался! – сказал он. – Ну что, похоже шиплю?

– Это ты?

– Я. Здорово?

– Здорово! А ну еще.

– А ты хочешь созвать всех змей?

– Не надо. Ну их! А ты разве знаешь змеиный язык?

– Змеиный – нет, – сознался Гномик, – а вот птичий, это я могу.

– А ну пощелкай соловьем, – попросил Егор.

И вот послышался соловьиный свист, потом соловьиные трели. Одно колено сменяло другое, и если бы Егор не знал, что это свистит Гномик, он ни за что бы не поверил.

Егор долго стоял, не решаясь нарушить очарование, а когда Гномик замолчал, Егор тихо опустился на плащ-палатку и негромко запел: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят...»

И опять вспомнился Егору полковник Сапегин среди бойцов на привале. Егор невольно с грустью сказал:

– Эх, Гномик, какой человек Максим Иванович Сапегин! Второй Чапаев!

Мальчики помолчали.

– А ты где птичьему языку научился? – спросил Егор.

Гномик в ответ залаял, как собака, которой только что наступили на хвост. На этот раз вскочил Барс. Мальчики так и покатались со смеху. Барс подошел к Гномику, принялся и, убедившись, что его провели, обиделся, отошел в сторону и там лег.

– Где же ты научился? – не отставал от Гномика Егор. – Вот молодец! Теперь я поверю, что ты и змей берешь руками.

– А я их не боюсь! – гордо ответил Гномик. – Я и тебя научу. Меня сначала отец учил. Он в Ленинграде при Естественно-историческом музее работал: чучела делал, змей спиртовал, жучков для коллекций собирал. Из жирных гусениц выдувал всю внутренность, а оболочку сушил. Он мог и змей подзывать и заставлять их танцевать под флейту. А язык птиц как он знал! Засвистит – и рябчик летит. Чуфыкнет в кулак – и тетерев на весеннем току к нему скачет. А зимой пискнет по-мышинному – и лисица к нему бежит... Вот какой он был! Таких больше нету! – Гномик замолчал.

– Так ты охотник? – спросил Егор, чтобы отвлечь мальчика от грустных размышлений.

– Не-ет, – прошептал Гномик. – Я любил собирать жуков, бабочек, иногда ловил пичуг... Пойдешь в поле, в лес, в овраг – хорошо: солнце светит, шмели гудят, птички поют, над водой стрекозы летают... Сядешь и рисуешь... Я за жуками в любые пещеры и ямы лазил. Ни грязи, ни змей не боялся. Один раз меня ребята искали-искали, звали-звали, наконец увидели, что мои ноги из земли торчат, схватили меня за ноги и выволокли из большой норы под корнями – я туда за жуками залез. Я был тогда совсем маленький. С тех пор и прозвали меня пещерным Гномиком... А один раз я такого жука нашел! Ну никто не поверил, что это я нашел. Вот дело было! Многим ребятам, конечно, такие жучки неинтересны, они стараются, чтобы носорога или там жука-оленья выменять для коллекции, или бабочек красивых, махаонов всяких, а этот жучок был ну совсем неприметный. Я нашел его, а не знал, что за жук... Взял я определитель жуков и никак не могу найти этого жука. Бился, бился – понес его отцу. Жучок вроде обыкновенный, а оказалось, я первый открыл эту разновидность в Ленинградской области. Повезли жука в Академию наук. Меня в институт вызвали, расспрашивали. Уж я потом и старался! Все время искал новых жуков, да не успел найти – война помешала... Я и здесь ищу. Когда вырасту, энтомологом буду и художником.

Они помолчали.

– Я чучела умею делать, – сказал Гномик. – Мы с учителем зоологии штук семьдесят сделали.

– Умеешь? – с уважением спросил Егор, не ожидавший, что этот тихий мальчик – мастер на все руки.

– Да это совсем нетрудно, – ответил Гномик, – если есть формалин и мышьяковистокислый натр. Снял шкуру чулком, намазал ее изнутри раствором, а потом набил чучело соломой, чтобы зверь был как живой. Тут и проволоочки разные нужны, и солома, и подставки. А то еще делают из папье-маше туловище зверя и натягивают на него снятую шкуру. Я так не умею... Недавно я сделал чучело барсука. Вот здорово получилось! Никто не верил, что это я сам сделал. Учитель подтвердил. А я сначала в Зоологическом саду зарисовал барсука, а потом сделал чучело по этому рисунку... А у тебя, Егор, папа и мама есть?

– Нет! – коротко ответил Егор и замолчал.

– У меня тоже нет. Папа в Ленинграде погиб от бомбы, а мама пропала при бомбежке нашего эшелона с эвакуированными. И я попал сюда, в детский дом. Из детдома начали брать ребят на воспитание. Пришла тетя Глаша, Глафира Николаевна, наша учительница рисования,

увидела, что я рисую, поговорила со мной и спрашивает: «Хочешь, вместе будем твою маму искать? А пока будешь у меня жить». Сначала я ее боялся. Она такая высокая и, кажется, сердитая, редко улыбается. Никогда не крикнет, пальцем не тронет, а как скажет: «Тебе надо расти, доедай», – уже сыт, а еще съешь. Она заставляет меня каждый день хоть понемногу рисовать. Я даже научился рисовать масляными красками. Месяца два назад мы поехали к знакомому охотнику. Он для нашего зоологического кабинета разных птиц настрелял. Надо было снять с них шкурки с перьями. Потом мы из них шестнадцать чучел сделали. Попробовал я срисовать их красками. У мертвых птиц совсем другой, какой-то тусклый цвет перьев. Теперь попробую срисовать с натуры, живых... Егор, ты не спишь?

Егор не ответил. Его клонило ко сну. Замолчал и Гномик. Он смотрел на огромную сверкающую луну и не мог отвести от нее глаз.

– Егор, как ты думаешь, есть люди на Луне?

– Не знаю. Полковник Сапегин говорил, что на Марсе есть жизнь. Там и пустыни есть, и каналы, и деревья с красными листьями. Он говорил: «Построим огромную «катюшу» и полетим в этом снаряде на Марс». А ты бы полетел?

– С тобой бы полетел. Ты хороший!

– Хочешь, я буду тебе помогать и у нас будет так, как у меня с полковником Сапегиним?

– Хочу!

– А стрелять ты умеешь?

– Не умею.

– Я научу.

– Не надо.

– Боишься стрелять?

– Страшно... немного... Ты не смейся, это у меня после бомбежки эшелона.

V

Лунная дорожка переместилась через реку правее, и с горы подул слабый ветерок. Барс услышал вдали шаги и ткнул мордой в щеку задремавшего было Егора. Мальчик знал этот сигнал и сразу проснулся. Монотонно, как и прежде, шумела река. Егор осторожно, чтобы не разбудить Гномика, вытянул у него из-под головы свое ружье.

Донесся тихий свист. Егор ответил. Большая тень приближалась по берегу, то появляясь, то исчезая в кустах.

– Это я, Топс! – раздался вблизи приглушенный голос.

– Чего же ты свистишь? Ты бы, как разведчик, перепелкой кричал или совой.

– Так мы же не условились.

– Мало что! Отсутствие правильного взаимодействия, как говорил полковник Сапегин, губит самые лучшие военные планы. Ну как?

– Прошел я километра два вниз по течению – никакого моста. Река такая же бурная, как здесь. Переправиться вброд и думать нечего: утонем. Спугнул какого-то зверя. Он ка-а-ак зашумит – и в кусты! Ух, и зверюга! Не иначе, тигр!

Мальчики засмеялись.

– Здесь тигров нет, – вдруг отозвался Гномик.

– Вот что, тигр, давай спать, – сказал Егор, – а то скоро опять в путь.

Топс растянулся рядом.

Ребята задремали.

Лунная дорожка переместилась еще правее, туда, где над рекой возвышались камни в белой пене. И опять Барс ткнул своим холодным носом щеку хозяина. Это неслышно подошел Ромка.

– Я – как разведчик в тылу врага, – возбужденно прошептал он.
Егор растолкал ребят.
– Все узнал. Есть очень важные новости, – сказал Ромка. – Гарун здесь.
– Гарун здесь? – Егор быстро вскочил. – Каким образом?
– Гарун сел верхом на кондора, тот распластал крылья и через секунду быстрее лани, быстрее... – начал Топс.
– Вот как стукну! – сказал, замахиваясь на него, Ромка.
Топс замолчал.
– Эх ты, – обратился Ромка к Егору, – а еще военный! А самолеты на что?
– Не станешь же ты уверять нас, – сказал Егор, – что Гаруну специально, чтобы встретиться с нами, дали самолет.
– Я не знаю, для чего ему дали самолет, – с достоинством ответил Ромка, – но знаю одно: я видел его так же близко, как вижу тебя. Он сказал мне, что прилетел на «ПО-2» и ждет нас.
– А как же ты его нашел?
– А я его и не искал. Там кишлак, и там есть мостик.
– А на мостике овечка, у овечки хвостик, – опять начал Топс.
– Замолчи, Топс! – прикрикнул Егор. – Да договаривай, Ромка, скорее!
– А что говорить? Я все сказал, – ответил Ромка. – Гарун сидел возле моста и ждал нас. Говорит, что это единственный мост через реку в этом районе и другого пути отсюда в горы нет. Он уже пошел было со мной сюда, а потом говорит: «Ты беги к ребятам, выезжайте на мотоцикле к кишлаку. По дороге увидите старый мазар, там встретимся».
– Мазар?
– Ну, склеп такой, старая гробница – вроде сарайчика. Вот там надо съехать с дороги к мазару и ждать.
– А ты не врешь? – усомнился Егор.
– Честное пионерское, чтоб мне провалиться на этом месте!
– Значит, ехать сейчас же по дороге к кишлаку Чак и у мазара ожидать. А еще что говорил Гарун? – спросил Егор.
– Сказал, что есть что-то очень важное, он сам нам все объяснит, – ответил Ромка.
– По машинам! – протяжно, как обычно командовал полковник Сапегин в таких случаях, крикнул Егор и первый бросился к мотоциклу.
Гномик поспешно повесил себе за спину ружье и свернул плащ-палатку, а Барс сразу же вскочил в коляску, вернее – на коляску, так как она была загружена доверху.

VI

Светила луна. Ребята быстро разместились на мотоцикле, Егор включил зажигание, дал газ и нажал ногой педаль до отказа. Мотор затарахтел. Егор включил первую скорость и вырулил на дорогу, включил вторую и затем третью скорость, и мотоцикл понесся по дороге; потом он чихнул один раз, другой, третий. Егор покрутил ручку до предела, это не помогло. Мотор зачихал, и мотоцикл остановился.
– Газуй! – заволновался Ромка.
– Сам знаю, – сквозь зубы ответил Егор и снова завел мотор.
Но как только он включил скорость, мотор заглох. Егор соскочил и попробовал завести мотор. Ребята окружили его, стараясь помочь.
– Вот всегда так бывает, – заметил Ромка, – если очень торопишься, обязательно что-нибудь да разладится.
– Теперь вся искра в баллон ушла, – трагическим голосом возвестил Егор, повторяя излюбленную шутку шоферов.

– Ну и влипли! – сказал Ромка в тон Егору.

– Значит, все пропало? – испугался Гномик.

– Надо поймать искру в баллоне, – продолжал шутить Егор. – Ты ее рукой, а она ка-а-ак даст, так и отлетишь. Ну, кто ловить будет?

Никто не вызвался ловить искру.

– Я попробую, только я не умею, – робко предложил Гномик.

Егор перестал шутить, попробовал завести мотоцикл, но мотор не хотел работать. Он проверил – бензин есть, ток есть. В чем же дело? Может быть, свечи забило? Егор вывинтил из цилиндров свечи. Они были сухие, в порядке.

– Ну что, нашел искру? – то и дело спрашивали ребята.

– Сами ищите! – буркнул обеспокоенный Егор, не переставая нажимать ногой на педаль.

– Дай я, ты уже выдохся, – предложил Топс.

Егор вначале упорствовал, но потом согласился, чтобы Топс сменил его. Топс быстро нажимал педаль раз за разом, Егор крутил ручку «газа», Ромка стоял рядом и подавал советы. Гномик усердно молча заглядывал во все сокровенные части мотоцикла, в которых он ничего не понимал, но делал это, чтобы не стоять сложа руки. Мотоцикл, как назло, не заводился.

– Тоже мотоциклисты! Дай-ка я заведу, – сказал Ромка, отстраняя правой рукой Егора, а левой стаскивая Топса с сиденья.

Огорченный Егор отошел от мотоцикла. Ромка уселся с видом знатока на мотоцикл. Он долго возился, устал и наконец, раздраженный неудачей, сказал:

– И где ты только, Топс, откопал этот старый гроб! Его надо на свалку!

– Сам ты гроб! – обиделся Топс.

– Я придумал, я придумал! – воскликнул Гномик.

– Ты?! – чуть не в один голос воскликнули мальчики.

– Ага, я. Давайте покатаем мотоцикл, тут недалеко ведь.

– Верно, – согласился Ромка. – Только раз мотоцикл Топса, пусть он сам его и тащит!

И все же мотоцикл дружно покатали по дороге в кишлак, и только Барс продолжал важно лежать в коляске. Когда мальчики приблизились к мазару, Барс зарычал. Егор приказал ему замолчать.

– Машина системы «Сам пре»! – раздался веселый голос Гаруна из-под теневой стены мазара. – То вы катались на мотоцикле, а теперь мотоцикл катается на вас. Ну, рассказывайте, что случилось с Борисом?

Мальчики наперебой стали объяснять Гаруну, почему Борис не поехал. Гарун был очень огорчен.

– Я рассчитывал, что Борис меня на время заменит, – наконец сказал он.

– Разве ты не поедешь с нами? – удивился Топс.

– Не могу сейчас, – сказал Гарун. – А сами вы не справитесь?

– Мы не справимся? – Ромка даже задохнулся от негодования. – Да что нам Борис? Чем мы хуже его? Да я...

– Стоп! А что случилось с мотоциклом? – поинтересовался Гарун.

– Искра в баллон ушла, – робко сказал Гномик.

– Ну, меня этим не проведешь, я сам с усами!

Гарун подошел к мотоциклу и нажал кнопку: рев гудка показал, что зажигание в порядке. Гарун нажал педаль и дал газ. Мотор молчал.

– Брось его, – сказал Ромка. – Говори скорее: что нам делать?

– Нет, – ответил Гарун, трогая пальцами карбюратор и бензопровод. – Мне на нем обратно ехать.

– Значит, уедешь от нас на нашем мотоцикле? – ревниво спросил Егор.

– На этом самом, – весело ответил Гарун и, уверенно сев в седло, нажал педаль.

Мотор заработал четко, все громче и громче, выпуская густые клубы дыма.

– В чем же дело? Почему он у меня не заводился? – воскликнул Егор.

– Дело в кранике или, вернее, во внимании. Ты перекрыл краник бензопровода, и бензин не мог попасть из бака в карбюратор.

– Ох, я и шляпа! Ведь это я сам закрыл краник, когда приехали к реке, а открыть забыл.

– Со всяким бывает, – примирительно ответил Гарун. – Подойдите поближе.

Мальчики обступили Гаруна.

– Пакет у тебя? – спросил Гарун, кладя руку на плечо Егору.

– У меня, – подтвердил Егор, нащупывая пакет в кармане гимнастерки.

– Очень хорошо! – сказал Гарун. – Если я не прибуду, пакет откроете десятого.

– А ты не пойдешь с нами, Гарун? – с тревогой в голосе спросил Гномик.

– Сейчас никак не могу. Я сюда прилетел по срочному заданию редакции и уеду отсюда на вашем мотоцикле, а вы пойдете пешком, как полагается разведчикам.

– Но ведь мы брали продукты из расчета и на тебя, – заявил Топс.

– Спрячьте мою долю и лишний груз соли и дрови неподалеку в горах. Это будет ваша как бы запасная база. Идите не спеша. В горах, да еще с грузом, вы будете двигаться по два-три километра в час. Переходы делайте небольшие. Идите не больше пяти-шести часов в день.

– Тогда мы будем двигаться, как черепахи, – с досадой сказал Ромка, у которого была привычка всегда спешить.

– А куда вам торопиться? Дружина сможет двинуться не раньше двадцать второго августа. Вы уже на марше. Лишь бы вы к десятому августа были у истоков реки. Завтра же вы начнете знакомиться с плодовыми лесами, растущими по склонам.

– У нас нет карты, и разрешения от Чукмасовой мы не достали, – сказал Ромка.

– Карту я вам дам, – сказал Гарун, – а вот с разрешением надо что-нибудь придумать. Борис поправится и привезет его вам. Лучше не попадайтесь на глаза объездчикам. Я предупрежу в лесничестве. Вот вам карта.

Егор взял карту и развернул ее:

– Это же кроки! У нас такие есть, только похуже.

– Раз ты в этом разбираешься, то и кроки тебе помогут, как карта. На этих кроках отметите разведанный вами маршрут для будущего похода пионеров, лучшие места привалов, уточните притоки, броды на них. До озер можете не доходить, но будьте возле правого южного истока реки Чак.

– Что это такое «кроки»? – тихо спросил Гномик.

– Здесь нарисовано главное, что есть в карте, только не так подробно, – ответил Егор.

– Я довезу вам груз до моста, а потом поеду в кишлак – возьму там бензин, – сказал Гарун.

Он сел на мотоцикл и медленно поехал, чтобы ребята могли идти рядом. Возле моста он помог выгрузить вещи, проверил груз, похвалил за укладку, пожелал ребятам успеха и, сказав: «Командуй, Егор», уехал.

Шум мотоцикла, затихший вдали, заменили частые вздохи, выражавшие сожаление о мотоцикле, которым ребята так гордились, неуверенность и тревогу.

– Ребята! – закричал Топс. – Я забыл передать Гаруну документы на мотоцикл, паспорт...

– Эх ты, разиня! – с досадой сказал Егор. – Сейчас же беги отнеси, аллюр три креста. Ты кишлак знаешь. Гарун, наверное, будет у склада горючего.

Топс побежал в кишлак. Егор сел на край моста и свесил ноги над шумной рекой. Ромка и Гномик последовали его примеру. Барс лег рядом. Мост был необычный: узкий, немного горбатый, без перил, выстланный поперечными бревнами. Так они просидели молча минут сорок. Всем хотелось спать. Но вот Барс прислушался, встал, и вскоре мальчики слышали торопливый топот ног. Это прибежал Топс. Он задыхался от быстрого бега и был чем-то сильно взволнован.

– Догнал? – спросил Егор.

– Нет! – еле переводя дух, ответил Топс. – Я вам скажу такое, такое... – И он, не в силах выразить свои чувства, потряс кулаком над головой.

То, что услышали мальчики, мгновенно согнало сон. Из несвязного рассказа Топса, прерываемого вопросами ребят, выяснилось, что он увидел в тени дерева недалеко от кишлака группу людей возле мотоцикла и машины. Топс решил, что мотоциклист – это Гарун, и пока раздумывал, удобно ли подойти к Гаруну, услышал поразительные новости: в горах, у истоков реки Чак, девятого августа ожидают приземления нескольких парашютистов. Их будут ловить возле кишлака Чак. Подробностей Топс расслышать не мог, так как в этот момент его заметили, приказали подойти, спросили, что он здесь делает, и, узнав, что мальчик ищет Гаруна – мотоциклиста с коляской, сообщили, что таковой уехал пять минут назад.

– Что же нам теперь делать? Вернуться назад или ждать? – с тревогой, почти шепотом спросил Гномик.

– Назад? Это ты сказал «назад»! Да понимаешь ли ты, что ты сказал, трус несчастный? – гневно спросил Ромка, обуреваемый желанием совершать геройские поступки.

– Я только спросил, – оправдывался Гномик.

– Ах, ты только спросил! Лучше бы ты спросил, как в таком случае должна действовать разведка... Егор, объясни ему!

– Ребята, – сказал Егор, – мы могли бы выследить, где спустятся парашютисты, выследить хотя бы одного и сообщить об этом военным. Дело не такое уж трудное.

– А хотя бы и трудное! – возразил Ромка и вслух принялся фантазировать, как все это произойдет.

– Нам никто не приказывал, а если мы оскандалимся – нас засмеют, – возразил Топс.

– Трус! – воскликнул Ромка. – Каждый пионер должен защищать Родину!

– Не робей, ребята! Главное, чтобы было чувство локтя, боевая спайка. Все за одного и один за всех, как говорил полковник Сапегин. А ну, нагружайся – и вперед! – скомандовал Егор.

Мальчики, кряхтя, взвалили себе на плечи тяжелый груз.

VII

В ночь на шестое августа четыре маленькие фигуры, согнувшись под тяжестью груза, перешли мост возле кишлака Чак и углубились в предгорья Узун-Ахматских гор. Лай собак в кишлаке слышался все тише и наконец затих вдали. Мальчики поспешно шли вперед, чтобы до рассвета достичь леса.

– Надо правее, – прошептал запыхавшийся Топс, шумно дыша не столько от усталости, сколько от волнения. – Река Чак впадает в ту большую бурную реку, через которую мы перешли по мосту, где-то правее от нас.

Егор, еще раньше изучивший кроки, подтвердил это, и они пошли правее. Незнакомый путь ночью всегда кажется очень длинным. Мальчики уже шатались от усталости, а горной реки Чак все еще не было слышно.

На востоке на побелевшем небе четко вырисовывались черные контуры гор.

– Я не могу больше идти, – шептал Топс.

– Я тоже устал, я устал, – твердил Гномик.

– Больше жизни! Ведь мы должны разведать маршрут, постараться выследить парашютиста и пройти незамеченными, – подбадривал их Егор. – Дойдем до тех зарослей, что темнеют впереди, и там сделаем привал.

Когда путники подошли к зарослям, начинался рассвет. Гномик, Топс и Ромка, как по команде, не снимая груза с плеч, повалились на траву.

– Отвяжите ношу, так не отдыхают на привале, – требовал Егор.

Но ему никто не ответил. Ребята уже спали. Егор снял свой рюкзак, отцепил у ребят заплечные мешки, свалил весь груз в одну кучу, приказал Барсу стеречь и сам заснул сразу, как только коснулся земли.

По азимуту

I

Солнце поднялось над горами, а ребята спали всё в тех же позах, как легли. Только Барс бодрствовал. На ветках прыгали щеглы, перепархивали дрозды; горлица опустилась на ветку, но, заметив под деревом прищельцев, сорвалась и улетела.

В полдень на ребят напали слепни. Послышались шлепки, сонные возгласы, и наконец мальчики проснулись. Заспанные лица их припухли, и на щеках были видны следы веточек и камней, на которых они лежали. Все с изумлением смотрели друг на друга, на деревья и кусты, окружавшие их, не совсем представляя себе, где они и что с ними.

Над головами мальчиков висело много каких-то очень коротких стручков.

– Были бы стручки длиннее и тоньше, как на акации, я бы мировые пищики смастерил, – похвастался Ромка и нехотя сорвал стручок, висевший почти перед его носом. Он раскрыл стручок, высыпал два крупных зерна на ладонь, потом себе в рот и пожевал.

– Есть можно! – весело объявил он и потянулся за стручками.

Ребята сорвали по несколько стручков, тоже недоверчиво пожевали, потом вошли во вкус и стали пригоршнями есть зерна. Они сразу же почувствовали голод. Захотелось пить.

– Вкус, как у фисташек, – сказал Топс.

– Ребята, да ведь это и есть фисташки! – вдруг закричал Ромка, пораженный своим открытием. – Честное слово, фисташки! Самые настоящие фисташки в костянках, а не в стручках! Только еще не совсем спелые. Я первый открыл!

– Фисташковая роща! – крикнул Топс в восторге.

– Фисташковый лес! – отозвался Егор.

Вот тут-то ребята и приналегли, да как! Шутка ли, не часто приходилось есть фисташки, а тут перед ними рос большой фисташковый лес, ешь сколько душа хочет. Это было, как в сказке, когда перед героями вдруг появляются яства.

Забегая вперед, надо сказать, что никогда после этого случая ребята уже не могли есть фисташки, так они объелись.

Тут же решено было отметить фисташковую рощу как первое место привала для большого похода.

– Воды хочется, – наконец сказал Гномик.

– А ну-ка, Ромка, сбегай принеси, – скомандовал Егор.

– А почему я, почему не ты, не Топс?

– Не вступай в пререкания с командиром! Так ведь каждый скажет! – рассердился Егор.

– Конечно, пойду, с удовольствием пойду, – неожиданно согласился Ромка, – жарко, я хочу пить, а там и искупаться можно.

Ромка нарочно сказал это, чтобы раззадорить ребят.

– Хитер! – сказал Егор. – Я сам пойду, а то ты, пожалуй, заблудишься.

– Не нужно! Что я, маленький?

– Нет, оставайся и карауль груз.

– Какой же ты командир? Разве полковник Сапегин, отдавая приказ, отменял решения? Давай во всем делать так, как он.

– Ну ладно, – согласился Егор. – Значит, ребята, всё будем делать так, как полковник Сапегин? – спросил он.

– Будем, конечно.

– Мы с Ромкой пойдем за водой и на разведку, а ты, Топс, и ты, Гномик, оставайтесь стеречь.

– Вы будете купаться, – сказал Топс, – а мы? Вот уж такой несправедливости полковник Сапегин никогда бы не допустил! Он так бы сделал: если идти купаться, так всем; если не идти, так всем; если есть, так всем.

– А ты откуда знаешь, как бы поступил Сапегин? – удивился Егор. – Ведь ты его и в глаза никогда не видел!

– Разве ты сам не говорил, – настаивал Топс, – что полковник самый справедливый человек?

Егора били его же оружием. Хорошенько подумав, он согласился, что вряд ли Сапегин пошел бы сам купаться, оставив товарищей. Не в характере Егора было упорствовать в своих ошибках.

– Ладно, Топс! – сказал Егор. – Пойдем все разом. Но мы отряд, у нас есть боевое задание. Полковник Сапегин всегда выяснял, у кого к чему душа лежит. Один лучше в разведке, другой при кухне. Роман, например, хорошо стреляет, Топс неважно, а ты, Гномик, значит, совсем не стреляешь?

– Совсем, – сознался Гномик, – и не хочу.

– Почему?

– Я раз пробовал... Ружье толкает, глушит, и потом не видно, куда оно стреляет.

– Как не видно?

– Глаза сами собой зажимаются.

– Эх ты, вояка! – презрительно отозвался Топс.

– Мы выступаем на марш до реки, – сказал Егор. – В маршевых колоннах впереди отряда всегда идет передовой отряд с разведкой, потом основной отряд, а позади тыловой отряд – прикрывает, а по бокам дозоры. Тебя, Роман, я назначаю командиром основного отряда, ты иди в середине, с одностволкой, я – передовой отряд и пойду впереди вас. Топс, второй эшелон основного отряда, идет позади тебя. Гномик – тыловой отряд нашей колонны. А Барс – разведка, застава и дозоры. Сейчас надо ориентироваться по компасу, и мы пойдем по азимуту.

– У нас даже компаса нет! – спохватился Ромка.

– Компас есть! – Егор достал из кармана гимнастерки компас. – Трофейный! Его полковник Сапегин мне оставил, когда уезжал в госпиталь.

– А ну, дай посмотреть, – попросил Ромка.

Каждый хотел подержать компас, но Егор не выпускал компаса из рук.

– Вот север!

И ребята наклонились над стрелкой.

Егор вынул карту и, положив на нее компас, повернул ее северной стороной туда, куда показывал компас.

– А это наша точка стояния. – Егор ткнул пальцем в крошечное пятно. – А река, куда мы идем, – за кустами, возле горы; значит, идти надо на юго-восток. Пойдем без дороги, напрямик, просто по азимуту.

Ребятам понравилось выражение «идти просто по азимуту».

Но нелегко было «просто по азимуту» пробираться в густых зарослях, да еще с грузом. Вначале шли цепочкой, но ветки, которые раздвигал, а потом выпускал передний, больно хлестали идущих сзади, и цепочка растянулась. Скоро все перепуталось. «Тыловой отряд» пошел впереди «основного», а «второй эшелон» шел рядом, обгоняя «передовой отряд». «Боковые дозоры» (Барс) носились взад и вперед.

II

Егор вел отряд по компасу на юго-восток.

– Хороший азимут! Тут без глаз останешься! – сердился Ромка, с трудом пролезая в кустах. – Надо двигаться туда, где кончаются кусты.

– А в какой стороне они раньше кончаются? – спросил Егор, хитро прищулив один глаз. Ромка не мог этого сказать.

– Залезли! – ворчал он и хотел что-то добавить, как вдруг впереди трава и кусты пришли в движение, раздался шум, треск и рычание Барса.

– Обезьяна, обезьяна! – неистово завопил Гномик.

– Медведь, медвежонок! – кричал Топс.

Мешки с плеч полетели на землю. Топс и Гномик мгновенно очутились на деревьях. Ромка схватился правой рукой за ветку, готовый при первой опасности взвиться вверх.

– Заряжай картечью, патронами с картечью! – кричал Егор, сбрасывая, как и другие, груз на землю.

Дрожащими руками он шарил в патронташе; вытаскивая патроны, смотрел на цифру, обозначенную на бумажке пыжа, прикрывавшего дробь, и совал обратно: № 3 – зайчатник, № 5 – утятник, № 9 – бекасинник. Но где же № 00 или № 000?

Ромка, успевший зарядить ружье раньше Егора и сообразивший, что никакого медведя нет, поспешил вперед. Ребята услышали выстрел и восторженный крик Ромки:

– Убил дикого кабана!

Егор и Топс побежали к нему. Гномик осторожно следовал позади.

– Где же он? Где? – кричали мальчики, догоняя бегущего Ромку.

– Вон, в кустах, – отвечал Ромка, на бегу наводя ружье в зверя, промелькнувшего в траве впереди Барса.

– Не стреляй, собаку убьешь! – крикнул Егор, останавливаясь и прицеливаясь.

Одновременно грянули два выстрела.

Ромка подбежал к Барсу, с рычанием терзавшему что-то в траве, и закричал:

– Это я убил, я!

– Нет, я убил: считается последний выстрел! – протестовал Егор.

Мальчики были так возбуждены, что будь перед ними раненый тигр, они бросились бы и на него. Наконец удалось оттащить за ошейник Барса, и мальчики увидели в густой помятой траве небольшое серое животное.

Гномик поднял трофей за ногу.

– Да это барсук! – сказал он. – Обыкновенный барсук! Тоже охотники! Кричат: «Кабан, кабан!» Мой отец убивал барсуков, и мы ели их мясо и сало, а из шкур делали чучела для школ и музеев. Барсучье мясо не отличишь от свинины, а жир вылечивает от туберкулеза.

– Тоже профессор! А кто первый кричал «обезьяны, обезьяны»? – недовольно пробурчал Ромка.

– Обезьяны будут дальше, там, где леса в лианах, – обещал Егор.

– Какой тяжелый! – сказал Топс. – Давайте сейчас же жарить. А то «курсак пропал», – и он похлопал себя по животу.

– «Курсак пропал»! – передразнил его Егор. – Надо до реки дойти. Там и костер разложим.

– Дай я понесу. – Топс взял барсука за ногу и дернул к себе.

– Не вырывай, я уже несу! – рассердился Гномик.

– Не ссорьтесь, хлопцы! Брось, Топс, понесет охотник, – сказал Егор и протянул руку.

– Я убил, а не ты, я и понесу, – сказал Ромка, отстраняя руку Егора.

– Ладно уж! Чего там! – проговорил Егор. – «Потери противника – трофеи наших войск». Считай своим, не жалко. Мы с полем, как говорят охотники, а это главное. Вот у нас уже и есть мясо! – И он весело крикнул: – Вперед, орлы! Больше жизни!

Ничто так не окрыляет, как первый успех. Вот идут они, удачливые охотники, и солнце светит им весело, и птицы поют, и деревья кивают ветками, и все так хорошо и чудесно, что просто петь хочется!

Мальчики шли радостные и возбужденные, и каждый стремился рассказать, что он подумал, почувствовал, увидел и сделал. Они шли в высокой траве, иногда скрывавшей их с головой, и чувствовали себя землепроходцами, открывающими новые земли.

Наконец кустарник расступился. Ребята увидели перед собой могучие дикие горы, поросшие густыми лесами. А если посмотреть влево, вверх по ущелью Чак, то там, далеко на востоке, лесистые горы вздымались ступеньками все выше и выше и суровыми серыми вершинами заслоняли треть неба.

Ребята стояли молчаливые и встревоженные. Вокруг них была дикая природа. Неприступные скалы, бурные потоки, хищные звери. Последний кишлак остался позади. Что ждет их, так дерзко отважившихся пуститься в путешествие, полное тайн и опасностей? Выдержат ли они без Гаруна? Все эти мысли и чувства можно было прочесть на лицах ребят, ставших сразу серьезными.

Залитая солнечным светом, перед горами, у входа в ущелье Чак, раскинулась веселая долина, уставленная копнами сена. Яркие цветы и пестрые бабочки, порхавшие в воздухе, дополняли пейзаж. Совсем близко шумела горная река Чак, делившая ущелье на две неравные половины – очень узкий северный берег, по которому ребятам предстояло идти вверх, и широкий луг на южном берегу, где проходила дорога. На берегу реки росли хвойные деревья и кусты.

Егор глубоко вздохнул и спросил:

– Здорово?

– Здорово! – ответили ребята.

Они были счастливы и горды: они, бесстрашные разведчики, уже на одну треть выполнили задание дружины и достигли благодатного края.

III

Ребята бодро двинулись вслед за Егором к реке, громко сожалея, что нет Бориса и что он не видит эту красоту. На каменистом берегу они расположились под большой арчой.

– Я буду свежевать зверя, – предложил Гномик, вынимая нож.

– Ну, а я пойду за дровами. Видишь, сколько кругом сушняка! – вызвался Егор.

– А я буду варить обед, – сказал Топс, – я умею.

– Ну, а я на охоту! – И Ромка вскинул ружье на плечо.

– И труд и радость надо делить пополам, – сказал Егор, – давай-ка наберем вместе дров, а потом и пойдем все на охоту.

Ромку была «охотничья лихорадка», и он нехотя согласился.

Топс сложил под большой арчой каменный очаг, разжег костер, сбегал на реку с чугуном, принес воды и поставил на огонь. Гномик подвесил барсука за задние ноги к суку и стал умело снимать с него шкуру. Барс сидел рядом с ним, не сводя глаз с мяса, и облизывался. Егор и Ромка носили дрова.

– Можжевеловые дрова лучше всех, разве что дуб не хуже – горит, как порох, и тоже дает много горячих углей, – говорил Ромка, набирая целую охапку дров. – А вот осина – ничтожное дерево: дрова все время сыпят искры, а жару не дают.

Егор изо всех сил тянул сухой сук и бормотал:

– Не ломаешься, а я все-таки сломаю!

Ромка отнес уже две охапки дров, а Егор все еще возился со своим сухим суком. Ромка подошел помочь, посмотрел на дерево и безнадежно махнул рукой:

– Не ломаешь, – сказал он. – Это железное дерево, даже топор об него тупится. Ясно?

– А ты откуда знаешь?

– Я же говорил тебе, что мой отец лесничим на Кавказе работал. Ну, и я рядом с ним. Бывало отец в отъезде, а я его заменяю. Отец приедет, волнуется, как тут без него справились, а поглядит – все в порядке!

– А ты медведей стрелял? – спросил Егор.

– Стрелял.

– А тигров?

– И тигров.

– А тигры на Кавказе не водятся.

– Скажешь! Они забегали из Ирана.

– А собаки у вас были? – поинтересовался Егор.

– А как же... штук двадцать.

– А они не лаяли так: брех, брех, брех!

– Вот, уж и рассказать нельзя! Ну, штук десять было.

Так, разговаривая, они собирали дрова. Мясо давно уже кипело в котле. Топс засыпал суп рисом. Вскоре ребята уселись обедать и наперебой уверяли друг друга, что такого вкусного супа и мяса они никогда не ели.

– Ешь больше, Гномик, бери самые жирные куски, тебе полезно, – говорил Егор, – охотничья пища – это самая здоровая еда... А теперь, – сказал он, пряча ложку за голенище сапога так, как делали настоящие фронтовики, – теперь устроим второе заседание военного совета.

Но ответом ему был дружный храп. Мальчики лежали, закрыв глаза, и демонстративно храпели. Егор тоже сладко зевнул, потянулся, лег и заснул.

IV

Долго спать не пришлось: Егора разбудил Барс.

Сквозь ветки кустов было видно, как километрах в двух от них с горы спускается на водопой стадо.

– Вставайте! Гарун сказал, чтобы никому не попадаться на глаза, – сказал Егор.

Ромка звучно зевнул, потянувшись всем телом:

– Пусть думают, что мы сборщики яблок и орехов.

– А разрешение на сбор?

– Ага, – отозвался Ромка, – вы спрашиваете у нас разрешение? Как же, есть. Где оно? – Ромка тщательно начал шарить по карманам. – Ага, вспомнил: оно у нашего бригадира. Вы не видели его? Такой бородатый, усатый, пожилой полковник в отставке, товарищ Сапегин. Документы у него. Он немного отстал и идет позади нас. Вы к нему обратитесь.

– Тебе бы в театре играть! – с восторгом сказал Егор. – Сборщики – это подходит как оперативная маскировка нашего отряда.

– Еще бы! – самодовольно ответил Ромка. – Или скажем, что мы изучаем леса! Почему бы нам не собирать коллекции для школы?

– Мы обязаны собрать, – вставил Гномик. – У нас уже есть шкура барсука. Правда, я думал собирать коллекцию после прихода дружины, но можно начать теперь. У нас в школе будет самый лучший зоокабинет!

– Собирать камни куда интереснее! – настаивал Топс. – У меня в Днепропетровске собственная коллекция камней была.

– Нет, леса интереснее, – возразил Ромка, – в лесах все есть – орехи, яблоки, дубы...

– Сам ты дуб! – сказал Топс.

– Тише, не кричите! – остановил их Егор. – Решим так: мы изучаем леса, животных и птиц, камни, реки... Одним словом, все, все.

– Комплексная экспедиция, – подсказал Ромка, – есть такая вывеска в городе. Это значит – изучаешь все вместе: и леса, и зверей, и горы.

– Хорошо, значит мы комплексная экспедиция, – согласился Егор и задумался. – В порядке оперативной маскировки мы скажем, что нас двадцать человек – пять отрядов по четыре, – а командует нами Сапегин. Комплексная экспедиция полковника Сапегина.

– Здорово! Вот здорово! – Ребята были в восторге от выдумки.

– Вот что, – предложил Егор, – надо нам сегодня же начать записи о маршруте и вести журнал наблюдений... ну, и собирать образцы камней и растений. У меня в рюкзаке есть книжка с пустыми бланками боевых донесений. Вот и будем в них записывать. Этот дневник представим вместе с докладом Четвертой пионерской дружине. Он нам и в пути пригодится.

– Вести дневник! Давайте я буду и записывать и рисовать, – предложил Гномик. – У меня есть карандаши и краски.

– Тогда запиши приказ номер один по Комплексной экспедиции полковника Сапегина. Ты, Гномик, будешь писарь.

– Почему писарь?

Все начали спорить. Согласились на том, что Гномик будет вести все записи, но называться будет не просто писарем, а ученым секретарем экспедиции.

– Пиши пункт первый приказа, – сказал Егор. – Сначала надо насчет обстановки и противника. Я много раз писал под диктовку полковника Сапегина и помню. – Он дал Гномику книжку с бланками боевых донесений: – Пиши!

Гномик вытащил карандаш. После долгих споров записали так:

«Приказ № 1.

По Комплексной экспедиции полковника Сапегина (КЭПС). Штаб КЭПС. 15 ч. 21 м. 6.08.1945 г., южная опушка фисташковой рощи на левом берегу, возле устья реки Чак.

§ 1

Противник силами парашютно-десантного отряда готовится спуститься на горы к югу от истоков реки Чак и действовать в неизвестном направлении.

Кроме того, сводный отряд Степки Пханова находится на марше в этот же район и примет наступление с юга, имея в виду захватить крепость «Пчелиный город на Ореховом холме».

§ 2

После двухдневного марша мото-бронетанковые части генерала Бывалого в составе 4 корпусов – «Е», «Р», «Т», «Г» – выдвинулись в район устья реки Неизвестная, где противник обнаружен не был, и части форсировали реку, в пешем порядке продолжают движение в район сосредоточения – южные высоты у истоков реки Чак.

Поддерживает: Особый разведывательный отряд под условным названием «Барс».

§ 3

Согласно приказу высшего командования «Гарун», мы должны занять южные высоты у истоков реки Чак и там ожидать Гаруна, а попутно разведем плодовые леса и поохотимся. Потом выслать разведку, узнать, где Степка Пханов, разгромить его части и прочесать леса, совершенно очистив их от противника. После стычки, для выполнения особого задания, сосредоточиться в крепости «Пчелиный город на Ореховом холме», где занять оборону и соединиться с командующим фронтом Сапегиным, а об исполнении доложить высшему командованию.

§ 4

Я решил: продолжать марш к истокам реки Чак, чтобы выполнить приказ. Марш совершать одной колонной: передовой корпус «Р» ведет полковник Роман Крестьянинов, основной отряд – корпус «Е» – веду я, генерал Егор Смоленский, 2-й эшелон и тыловой отряд – подполковник Алексей Омельченко и майор Анатолий Батов. В голове отряд особого назначения «Барс» ведет разведку и выдвигает заставы.

§ 5

В целях маскировки зашифровать названия боевых частей, назвав всю боевую операцию «КЭПС», а фамилии зашифровать. В связи с этим произвести такие назначения:

Пункт А: Бывалый – начальник Комплексной экспедиции полковника Сапегина и охотовед.

Гномик – ученый секретарь КЭПС, начальник партии по изучению фауны.

Топс – глава геологоразведочной партии и шеф-повар.

Барсук...»

Здесь начались споры. Ромка не хотел называться барсуком. Записали:

«Роман Джелал-Буйнакский, сокращенно Джеб, – зам. начальника отряда и глава лесоразведочной партии.

Барсуков (Барс) – главный разведчик, комендантская команда, подчиняется начальнику отряда Бывалому.

Пункт Б: все ташат груз.

Пункт В: глава каждой партии для выполнения записанной в плане работы имеет право мобилизовать всех остальных, как рядовых, и командует ими до выполнения своей работы.

Командующий – генерал Егор Смоленский-Бывалый».

Кроме того, после долгих споров записали:

«Считать первым местом привала частей, которые придут на машинах из Джелал-Буйнака, большую арчу у реки в «Веселой долине».

Место привала отметили звездочкой на кроках.

Мычанье коров, блеяние овец и лай собак известили, что стадо достигло реки.

V

– И все же, – сказал Егор, – пастуху показываться, да еще с ружьями, не надо. И лесных объездчиков и других сторожей тоже надо избегать.

Все согласились с Егором.

Егор вынул кроки и компас. Все с интересом наблюдали, как Егор «определял точку стояния». Наметили место ночевки через двадцать километров.

Все согласились с тем, что надо подниматься в горы по северному берегу реки, узкому и заросшему лесом, а не идти по лугам южного берега, где есть пасеки и можно встретить людей.

– Эй, Гномик, – крикнул Топс, – помой котелок и ложки!

Гномик послушно взял котелок в руки.

– Стой! – сказал Егор. – А почему ты сам, Топс, не хочешь мыть?

– Я повар, а не судомойка, – возразил Топс.

– А Гномик ученый секретарь и начальник партии, – напомнил Егор.

– Егор прав, – сказал Ромка, – почему Гномик должен помогать только Топсу? Пусть помогает всем!

– Каждый убирает сам за собой. Гномик не будет ничьей нянькой! – рассердился Егор.

– Но ты же сам командуешь нами, – возразил Ромка.

– Эх ты! Это совсем другое. Командир, чтобы победить, обязан добиваться точного выполнения своей команды. Он может наказывать, но он никогда не станет издеваться над бойцом. Я командую в походе, а каждый из вас будет командовать в работе, которую знает лучше других, и я тоже должен подчиняться.

Топс, ни слова не говоря, взял котелок.

– А ложки тоже прикажешь мыть? – насмешливо спросил он.

– Оближи свою, – в тон ему ответил Егор.

– Нате! – крикнул Топс и бросил одну ложку Гномику, а другую – к ногам Ромки.

– Ну что ты, Топс, как маленький! – с досадой сказал Егор.

Через несколько минут размолвка была забыта. Все шутили, помогая друг другу укладывать поклажу на спину.

– Разведка, Барс-Барсуков, вперед! – скомандовал Егор.

Место привала опустело, и над очагом поднимался пар от залитых водой углей.

Боевой путь

I

Мальчики шли молча, один за другим. Тяжелый груз, включая долю Гаруна, не располагал к разговорам.

Наклонив головы, тяжело дыша и пошатываясь, мальчики прошли около часа вверх по берегу реки.

– К черту! – вдруг крикнул Ромка, сбрасывая движением плеч груз на землю.

Он уселся на мешок. На лице его была видна усталость.

– Я не отдавал приказа останавливаться на отдых, – строго сказал Егор. – Привал, – он посмотрел на ручные часы, – через пятнадцать минут.

– Ты, все ты! А как распорядился Гарун? – вызывающе спросил Ромка. И, не ожидая ответа, продолжал, отчеканивая каждое слово: – Гарун сказал, чтобы мы спрятали груз в надежном месте, как только перейдем мост. Забыл? Уже скоро вечер, а мы все тащим эту тяжесть на своих плечах!

Егор вытащил из кармана компас и кроки.

– Ребята, – сказал он, – совсем недалеко, в горах, слева, будет первый приток, значит груды валунов. Самое удобное спрятать груз где-нибудь там, это почти рядом.

Ромка заспорил. Егору не нравилась его скверная привычка спорить по всякому поводу, и он решил побороть этот раздражавший всех Ромкин дух противоречия.

– Хорошо, – сказал Егор, – давай зароем груз здесь, раз ты так хочешь.

Ромка, приготовившийся к долгому спору, был удивлен тем, что Егор так легко сдался. Конечно, он, Ромка, взял верх, но он знал, что ноша ценная, без нее не обойдешься.

– Здесь? Да ведь собаки пастуха всё найдут и выкоют! Нет, здесь зарывать нельзя.

– А где же? – спросил Егор.

Но Ромка не ответил. Он прислушивался к топоту ног, который слышался за кустами.

– Егор, – крикнул Гномик подбегая, – там, за рекой, тот самый диверсант, про которого Топс слышал.

Ребята вскочили.

– Бежим! – крикнул Топс, подхватывая на плечи груз.

– Куда бежать? Стой! – приказал Егор.

– А ты не врешь, Гномик? Какой диверсант, откуда? – спросил Ромка, снимая со спины ружье.

– Почему ты решил, что там диверсант? – спросил Егор.

– Подозрительный такой, в штатском и с винтовкой, – еле переводя дух, ответил Гномик. – И все высматривает.

Егор оглянулся на Барса. Пес подбежал, настороженно глядя назад, откуда прибежал Гномик, и нюхая воздух.

– Ну, вот что, – сказал Егор, – влезем на склон горы и оттуда посмотрим. Пойдем по этой ложине.

Мальчики подхватили груз и быстро двинулись по ложине вверх. Лощина расширялась и переходила в овражек. По этому маленькому овражку ребята поднялись в гору. Егор высмотрел углубление под корнями наклонившегося дерева, призывно махнул рукой, и мальчики поспешили к нему.

– Пойду на разведку, – шепотом сообщил Егор, заряжая ружье, – а вы сидите здесь. Гномик, назначаю тебя связным. Иди за мной. Покажешь... Барс, вперед!

Оба мальчика вскарабкались по крутому склону овражка наверх и спрятались за деревьями. Наконец Гномик сказал:

– Вот он!

Егор достал бинокль из рюкзака и, поставив на «резкость», посмотрел.

– Глупый! – весело сказал он Гномику. – Ведь это же охотник! – и передал мальчику бинокль.

Гномик не мог справиться с полевым биноклем, а когда Егор ему помог направить его, посмотрел и восторженно зашептал:

– Он будто рядом! Я даже отчетливо вижу его лицо!

– А охотничью собаку видишь?

– Рыжая!

– Ну то-то! А почему ты решил, что это диверсант?

– А почему нет? Разве у диверсанта обязательно форма?

– Нет, – ответил Егор, – иногда бывает комбинезон для удобства.

– А чаще всего парашютисты маскируются, – раздался голос позади.

И Егор, обернувшись, увидел Ромку и Топса.

– А продукты? – спросил Егор.

– Прикрыли камнями, – ответил Ромка и попросил бинокль – посмотреть на охотника.

Ромка так громко и долго восхищался биноклем, вертел его во все стороны, что Топс еле дождался своей очереди. Топс тоже не мог оторваться от бинокля. Он заметил в небе орла, не видимого простым глазом.

– Этот бинокль – подарок полковнику Сапегину, – сказал Егор.

– Может быть, этот охотник и есть полковник Сапегин? – спросил Ромка.

– Неужели я не узнал бы Сапегина! Он стройный, усы маленькие, нос узкий, с горбинкой, а этот полный. Нет, это не он.

– А если сбегать и спросить у него про Сапегина? – вызвался Гномик.

– А что сказал Гарун? – напомнил Ромка.

– Он приказал быстрее идти, а мы топчемся на одном месте, – сказал Егор. – Нам надо послезавтра быть на южной высоте, у истоков реки Чак. Довольно плестись!

– Так ведь груз мешает, – оправдывался Топс.

– А я груз уже запрягал, – похвастался Ромка. – Пошли, покажу. Вот партизанская база будет, красота!

Егор спустился в щель и, присмотревшись к груде камней в небольшом углублении, понял, что это и есть «база».

Путь в горы был тяжелый. Ружья, одеяла, топор и прочее снаряжение весили немало. Поэтому Егор предложил взять с собой продовольствие только на время пути до Зеленой лаборатории, с тем чтобы потом вернуться за остальным. Так и сделали. Больше всего взяли соли – целых пятнадцать килограммов – для засолки дичи впрок.

При распределении груза опять не обошлось без споров. После раздела Егор, не говоря ни слова, взял половину груза, предназначенного для Гномика, себе.

– Зачем это? – запротестовал Гномик.

– Ты – разведка и должен быть налегке, не спорь, – сказал Егор.

Обе плащ-палатки превратили в мешки для Топса и Гномика. У Егора и Ромки были рюкзаки, а одеяла привязали сверху на рюкзаки. Гномик нес порох и часть дробы, охотничьи принадлежности и одеяло.

II

Сначала мальчики шли по берегу реки веселой гурьбой. Груз больше не пригибал головы, и можно было все видеть кругом. Топс и Гномик громко восторгались и могучими деревьями, и причудливыми водопадами, и высокими травами. Но чем дальше они шли по берегу реки Чак в горы, тем ближе подходила река к скалам, тем уже становился берег, и временами можно было двигаться только цепочкой.

– Подумаешь, горы! – в начале похода пренебрежительно говорил Ромка. – Вот у нас на Кавказе горы! Эльбрус! Вечные снега!

Но скоро он замолчал и стал с интересом рассматривать все вокруг.

Серьезность пионерского поручения и возможная близкая встреча с врагом рождали сознание ответственности. Еще бы! Не всем мальчикам случается попасть в дикие горы, да еще не просто для прогулки на день-два, а для выполнения важного задания по разведке маршрута. Тут было не до шуток. Справятся ли они без Гаруна?.. И если ребята смеялись, то это было от возбуждения и от желания подбодрить себя. Когда же наконец они устали восторгаться, Топс затянул бесконечную песню.

Вскоре дорогу перерезал бурный и шумный поток. Начинаясь далеко в горных вершинах северной гряды гор, воды, стекая вниз, брали разгон на крутизнах и, приближаясь к реке Чак, мчались, как бешеные.

– Жаль, нет моста, – сказал Егор.

Он снял сапоги, брюки и полез в пенящуюся и бурлящую воду. Гномик хотел перейти там, где вода была неподвижная, тихая и до того прозрачная, что были видны камни на дне, но Ромка вовремя предупредил его, что там омут, а кажущиеся близкими камни на дне – обман зрения.

Топс, как был в трусах, полез вслед за Егором.

– Надо взять палки, течением снесет! – закричал он, отойдя на несколько шагов, и вернулся обратно.

Вырубили палки и стали переправляться. Вода на перекате была немного выше колен, но течение вырывало скользкие камни из-под ног и теснило ребят вниз. Легкого Гномика пришлось тащить всем: Переправа была трудная, и ребята, выйдя на берег, шумно радовались и шутили.

– Итак, – сказал Егор, – мы уже видели на южной стороне два притока и теперь этот один – на северной. Ты записываешь маршрут, Гномик?

– Мое дело записывать, когда продиктуют. И потом, с той, южной стороны было три притока, а не два.

– А я считаю, – сказал Ромка, – на южном берегу был один приток, на северном – три, учитывая два пересохших русла.

– Так что же записывать? – спросил Гномик.

Все остановились.

– Считать притоки должен Топс: это геологоразведочная работа, – сказал Ромка.

– Вот еще! – ответил Топс, жуя обнаруженные в кармане фисташки. – Это дело главного, а значит – Егора. Мое дело определять камни, почву, мыть золото и находить руды. Вот бы найти какую-нибудь особенную! Сразу бы прогремели на весь Союз, не то что «дубы»! – И Топс подмигнул в сторону Ромки.

– А ты взял для школьной коллекции хоть один камень?

– Нет, – сказал Топс. – А ты определил породы деревьев, растений? А Гномик определил виды птиц? – не сдавался он. – Ишь, умный нашелся!

И ребята решили: каждый должен выполнять свой долг без напоминаний.

III

Они дошли до следующего притока. Снова разделись, перешли его и сели на береговых камнях.

– Вот этот камень, – сказал Топс, тыкая палкой в серый камень, – известняк, этот – конгломерат: в нем разноцветные камешки точно в бетон заделаны. Тут их много. Не брать же их с собой. Пусть Гномик запишет все о камнях.

– Конечно, надо записать: мы же должны разведать край и доложить пионерам, – согласился Егор.

Гномик вынул «Книгу донесений» и записал:

– «Час...»

Он посмотрел на Егора; тот поднял руку к глазам, посмотрел на ручные часы и сказал:

– Семнадцать часов пятнадцать минут.

– «В семнадцать часов пятнадцать минут шестого августа КЭПС прошла справа три притока, слева два», – записывал и читал вслух Гномик.

– Нет, – сказал Егор, – запиши так: «В южных склонах Узун-Ахматских гор три ущелья, в одном из них – поток; с западных склонов Ферганского хребта – два притока». Названия узнаем потом.

– Горные породы по берегу реки, – сказал Топс, – известняк, конгломерат, встречается кварц.

– Где? – спросил недоверчиво Гномик.

Топс протянул руку, взял молочно-белый камень, показал и бросил в кусты. Оттуда мгновенно выскочил заяц и поскакал в заросли.

– Ах, ах, заяц, заяц! – закричал Топс, срываясь с места и показывая рукой на убегающего зайца.

Появление зайца было так неожиданно, что мальчики не успели даже схватиться за ружья.

– Эх вы, охотнички! – укоризненно сказал Топс.

– «Ах, заяц», «ах, заяц», «ах, ах»! – передразнил его Егор. – Ахаеть, а из-за твоей фигуры стрелять нельзя было, ахало несчастное! И ты тоже охотничек! – обратился Егор к Ромке. – Заяц выскочил, чуть тебя не опрокинул, а ты вскочил и за камень схватился, а ружье на коленях лежало. Ты до сих пор этот камень в руках держишь!

Ромка с досадой швырнул камень в соседний куст. Оттуда с шумом вылетели две крупные длиннохвостые птицы и полетели через реку.

– Ах, ах, стреляй! – опять закричал Топс.

Теперь Топс и Гномик напали на Ромку и на Егора.

– Да откуда же я знал, что они там! – сердился Ромка.

– Далеко было стрелять, – смущенно оправдывался Егор. – Может быть, там еще есть?

Егор и Ромка подошли с ружьями к кустам. Топс кинул камень, но в кустах уже было все спокойно.

Вдруг Гномик бросил тетрадь на землю и ринулся к кустам. Все недоумевающе переглянулись. Гномик вернулся, сжимая в руке шею змеи.

– Змея! – испуганно закричал Топс и попятился.

– Брось, сейчас же брось! – кричал Ромка.

Егор тоже испытывал неприятное чувство брезгливости. Он боялся змей.

– Да это не ядовитая. Это уж, желтопузик, – успокаивал их Гномик. – Возьми, – предложил он Егору, но тот поспешно шагнул в сторону.

– Брось! – сказал Егор. – Что мы, твоего желтопузика с собой таскать будем, что ли!

– Я его спрячу в карман, – сказал Гномик, – и если Топс еще раз полезет ко мне за фисташками, желтопузик его цапнет.

– Ну тебя с твоими фисташками! Выбрось змею! – сказал Топс.

Гномик взял ужа за хвост и распрямил.

– Сантиметров семьдесят, – сказал он. – А ну-ка, Джеб, пиши: «Возле берега реки, в кустах...»

Ромка быстро записал все, что ему продиктовал Гномик, лишь бы скорее избавиться от неприятного соседства.

После этого Гномик положил ужа на землю. Ромка хотел тотчас же раздробить ему голову камнем, но Гномик яростно запротестовал.

– Пусть живет. Ужи полезные, – сказал он.

– О деревьях тоже запиши, – подсказал Егор.

Ромка взял карандаш и стал писать в дневник, громко прочитывая записанное:

– «На правом берегу реки Чак встречаются фисташковые леса, дикие груши, ясень, дрововидный можжевельник, или, по-местному, арча, дикие вишни, дикие сливы...»

– Только не ври, – сказал Егор. – Надо, чтобы все было правда. Ну, где мы видели груши, сливы, вишни?

– Да вот эти деревья, рядом с тобой, – ответил Ромка, – только на них уже все обобрано и объедено.

– «А из животных и птиц встречаются барсук, заяц, фазан», – стараясь «перешибить» Ромку, продиктовал Егор.

– Где ты видел фазана?

– А те птицы, что вылетели.

– «...и заросли облепили в долине реки», – продолжал Ромка, всегда старавшийся, чтобы последнее слово было за ним. – Пиши, – сказал он Гномику, передавая тетрадь: – «В зарослях облепили водятся трясогузки, кулики, дрозды, синицы, корольки, горихвосты, а в воде должны быть оляпки».

– Что значит «должны быть»? Раз не видел, не пиши, – предупредил его Егор. – Где, скажут, вы видели этих оляпок?

– Оляпки есть, я почти видел, но издалека, когда мы вышли из фисташкового леса. Оляпки под водой по дну ходят и ловят водяных насекомых.

– Нет, уж лучше не врать.

– Да я не вру!

Так, поправляя друг друга, они составили описание маршрута.

– А знаете, ребята, – сказал Егор, – хорошо, что мы не убили зайца. Сейчас их не время стрелять. А кто нарушает охотничий закон, кто ведет себя в лесу не как хозяин, а как вор и грабитель, тот браконьер. Может, это была зайчиха и у нее маленькие, а если бы мы ее убили, они тоже погибли бы. – Искоса посмотрев на Ромку, Егор добавил: – Барсука тоже нельзя стрелять.

– Нечего так на меня смотреть, ты тоже стрелял! – запальчиво отозвался Ромка.

– А я и не отрицаю. Барсука мы приняли за дикую свинью, а этих можно стрелять, они сельскохозяйственные вредители. Ну, пошли! – Егор хлопнул себя по затылку, думая, что там лазит слепень. – Ох! – вскрикнул он, рассматривая корчащуюся на камнях пчелу.

– Да их здесь много, – сказал Гномик и, подойдя к Егору, молча вынул жало.

Мальчики снова пошли. Очень скоро они увидели на противоположном берегу под горами домик и много ульев. В воздухе то и дело с жужжаньем проносились пчелы. Ребята перешли с открытого места за кусты облепили и осторожно двигались в зарослях, стараясь не выдать пасечнику своего присутствия. Дальше они снова увидели две пасеки.

Уменьшенный вдвое груз опять стал казаться им тяжелым. Приходилось смотреть себе под ноги, чтобы выбирать такие места, где удобнее было бы поставить ногу среди камней. Усталость притупила чувства мальчиков. И все же Егор каждый раз, завидев приток справа или слева, сверялся с кроками Гаруна и убеждался, что все нанесено совершенно верно.

Солнце еще не село, когда Гномик шепотом стал жаловаться на усталость, а Топс усиленно советовал остановиться на ночевку, чтобы успеть до ночи сварить еду. Егор согласился.

Впереди, невдалеке от берега, показался домик. Ребята остановились.

Егор посмотрел в бинокль.

– Домик как будто пустует, – сказал он.

Ромка тотчас же вызвался пойти на разведку.

Через двадцать минут ребята увидели Ромку на крыше домика. Он махал руками и звал ребят.

IV

Это был домик колхозных пастухов, составлявший как бы звено в каменном заборе, ограждавшем большой загон для скота.

Отбросив крюк, закрывавший дверь, ребята вошли в небольшую комнату.

Здесь были стол, скамьи и деревянные нары, на которых лежали свернутые в трубку кошмы. Стол и скамьи были сделаны из красивого орехового наплыва и поражали замечательным узором. На полке стояли стопка книг и пиалы, перевернутые кверху дном. В таком же положении был и казан на печи.

Ребята вошли в пристройку. Возле стен лежали сухие дрова. Посредине стояли деревянные чаны.

Топс подошел, наклонился к кадке, стоявшей в углу, понюхал и сказал:

– Была брынза! – Он запустил руку в кадку.

– Не трогай! – предупредил Егор.

– Не собираюсь, да и нет ничего. Один рассол, – обиженно ответил Топс.

Барс везде побывал и все осмотрел.

– Здесь и переночуем, – сказал Ромка. – Можно переночевать, но трогать ничего не будем.

Так и решили.

Через десять минут дым наполнил комнату, а через час все сидели вокруг казана и жадно ели вкусный суп с рисом и барсучьим мясом.

– Мы немало прошли, – гордо сказал Ромка.

– «Нам путь не страшен, дойдем до облаков!» – пропел Топс.

– Мы совсем, как партизаны, – сказал Егор.

– У нас Гномик трус, – сказал Топс. – Если он увидит диверсанта, так сейчас же испугается – и назад.

– Ну, а ты что сделаешь? – спросил Егор.

– Я? – Топс подумал и смущенно улыбнулся: – Не знаю. А что ты сам сделаешь?

– Ребята, – крикнул Ромка, – а вдруг нам удастся не только выследить, но и поймать парашютиста!

– Ты скажешь! – Топс засмеялся.

– Неужели четверо – и не справимся? – не сдавался Ромка.

– Гарун ничего не приказывал, – отозвался Гномик.

– А инициатива бойца? Я много читал об этом, – настаивал Ромка. – Ты как, Егор?

– Я готов, – ответил Егор. – Взрослые думают – ребята маленькие, неспособны на большие дела, а мы им докажем.

– А если оскандалимся? – высказал опасение Топс.

– Засмеют, – уверенно поддержал его Гномик.

– Ребята не только на фронте – и в тылу помогали задерживать парашютистов, – напомнил Егор.

– А нас четверо, – не унимался Ромка. – Надо бросаться всем сразу.

– Вот именно! – воскликнул Егор. – Сразу и всем. А ну, давайте попробуем. Я диверсант, а вы на меня нападайте... Подождите, я Барса выгоню, а то, если пес увидит, что на меня напали, он на вас кинется.

Егор вывел Барса во двор и запер дверь.

Он усердно взялся за дело и до тех пор обучал ребят приемам нападения и защиты по системе самбо, пока даже миролюбивый Гномик не научился предупреждать удары. Приготовили даже веревки с петлями.

Когда занятия кончились и был впущен Барс, Топс сказал:

– Ребята, а зачем нам лезть на эту высоту к югу от истоков реки? Мы могли бы хорошо пожить в этой берлоге.

– Пожить? – переспросил его Ромка. – По-твоему, жить – значит сидеть на одном месте, спать, есть и загорать. Словом, топтаться на месте: топ, топ, топ, топ... А для меня жить – значит действовать, совершать геройские поступки!

– Попробовал бы ты, Топс, сказать это на фронте! – И Егор даже задохнулся от негодования, охватившего его при одной мысли, что среди них может быть человек, пытающийся уйти от выполнения своего долга.

– Нас что, гулять послали? – в тон ему воскликнул Ромка. – Или ты забыл о разведке маршрута и о Зеленой лаборатории?

– Топс испугался парашютистов, испугался! – закричал Гномик, который не без страха думал о возможной встрече, но скрывал свой страх из боязни, что его могут высмеять.

– Трус несчастный! – сказал Ромка. – А кто вчера хвастался: «Я храбрый, я храбрый!» Храбрый не может бояться!

– Полковник Сапегин говорил не так, – вмешался Егор, – храбрый – это тот, кто ничего не боится, а если и боится, то выполняет приказ, а трус – это тот, кто боится и не выполняет.

– Но ведь мы еще не взрослые, – оправдывался Топс.

На это Егор ответил:

– Кто захочет, тот и в четырнадцать лет мужчина, бездельник же и в сорок лет дитя. И это верно, потому что так говорил Максим Иванович Сапегин. И если мы хотим подражать ему, мы докажем это на деле!

Эту ночь ребята провели в избушке, и Барс сторожил их сон.

Яблоневые леса

I

Поднялись ребята вместе с солнцем, рассчитывая после полудня достичь истоков реки Чак. Предстояло пройти более двадцати километров. Все круче и уже становилось ущелье. Все выше и выше громоздились горы справа и слева.

– Где же яблоневые леса? – спрашивал Топс. – Где горы орехов и молочные реки с медовыми берегами?

Один раз мальчики увидели вдали диких козлов, а когда лакомились крупной и сочной малиной, то Гномик заметил на земле следы огромной лапы с когтями, и это сразу отбило у ребят желание углубляться в заросли малинника.

Решили не отвлекаться в сторону, а идти по ущелью вверх. До сих пор ребята много шутили и смеялись. Опасность казалась им далекой. Но свежие медвежьи следы сразу настроили всех на серьезный лад. Смех и шутки кончились. Ребята шли и внимательно всматривались в молчаливые и таинственные горы, заросшие лесом. Никогда еще среди разведчиков не было такого согласия.

План нападения на парашютиста-диверсанта был разработан во всех подробностях: Ромка должен нападать на его правую руку, Топс – на левую, Гномик упадет под ноги, Егор схватит за горло и применит все самые трудные приемы. Барс будет использован по мере необходимости.

Ребята шли и обсуждали разные возможные случайности: «а если он вынет пистолет», «а если к нему прибегут на помощь».

Теперь на привалах Гномик падал каждому под ноги по очереди – то Егору, то Ромке, то Топсу.

– Пусть учится, – сказал Егор и решил, что нужно еще научить Гномика стрелять. – Держи ружье, – предложил он Гномику.

Но тот даже не захотел на него смотреть. Егор настаивал, и Гномику пришлось подчиниться.

– Целься, – сказал Егор.

Гномик попробовал, но целился, зажмурив глаза. Как ни бился с ним Егор, так ничего и не вышло. Они поссорились. Егор даже перестал с ним разговаривать. Гномик ходил печальный и все твердил: «Я же не умею!»

Ромка и Топс называли Гномика всякими обидными словечками, и Егор не вмешивался. Он помнил украинскую поговорку: «З смиху людь бувають». Но пока и это не помогало. Гномик неожиданно проявил сильное упорство и ни за что не хотел стать охотником.

На пятом километре от ночевки мальчики подошли к подножию высоких гор. С южных гор стекало два одинаковых по силе потока, а разведчикам надо было ждать «у южного истока», но таких оказалось два. Егор вынул кроки, там были нанесены эти истоки. Оба вытекали из двух горных озер. По какому же ущелью лучше подниматься? Топс хотел лезть по правому, Ромка – по левому.

Спор решило яблоко. Небольшое, желто-красное, оно медленно кружилось в заводи, образовавшейся рядом со стремительным течением правой реки. До сих пор ребятам не удалось встретить ни одного ореха, ни одной груши, ни одного яблока. И вот теперь перед ними плавало спелое яблоко, то подплывая к самому берегу, то удаляясь. Мальчики перешли через поток, сняли груз и бросились ловить яблоко с берега. Каждому хотелось добыть его. Бросали

камни, надеясь, что волны прибьют яблоко к берегу. Топс сгоряча неудачно бросил камень, попал в яблоко, и оно, как мяч, перескочило на середину заводи.

– Вот так удар! – издевался Ромка. – А ну еще раз!.. Ребята, бросай камни, яблоко уплывет совсем!

Вдруг Гномик перестал бросать камни. Стоя на берегу и вытянув шею, он заглядывал в прозрачную воду.

– Жалко, что крючков нет, – сказал он, – хорошо бы поудить.

– Чепуха, только время зря потеряем, – сказал Ромка.

– Крючок? Поищем. – Егор полез в левый карман своего рюкзака и вынул узелок, где среди ниток, иголок, кусочков материи виднелись перепутанные лёски с крючками.

– Ну вот еще! Артель «Напрасный труд»! – запротестовал опять Ромка. – Пойдем по правому ущелью: где одно яблоко, там и другие. Не с неба же оно упало.

– Лучше отдохнем, – предложил Топс, уже успевший прикорнуть среди камней, и громко зевнул.

Вдруг Барс вошел в воду, поплыл к яблоку и, взяв его в зубы, приплыл назад.

Ребята похвалили его. Егор вымыл яблоко, почистил, разрезал на пять частей и раздал по кусочку всем ребятам и Барсу. Яблоко было превосходное.

– Пошли скорей! – звал Ромка.

Но Егор объявил привал перед подъемом и занялся крючками, а Топс пошел вырезать ветку для удилица.

Пока Егор разматывал лёски, Гномик наловил в траве кузнечиков. И едва только кузнечик на крючке коснулся воды на перекате, как его потянуло вниз. Гномик дернул удилище, и в воздухе мелькнула серебряная молния. Это была небольшая маринка. Теперь даже Ромка потребовал у Егора крючок.

И вот замелькали в воздухе удилица, а встревоженный Барс метался по берегу и нюхал бившуюся на берегу рыбу. Ее в беспорядке набросали на траву между береговыми камнями. Топс и Гномик побежали вниз по берегу, выискивая лучшие места; Егор и Ромка поднялись вверх по реке. Маринка хорошо брала под небольшими водопадами.

– А кто будет нести всю рыбу? – спросил Топс и предложил сварить рыбу здесь же, чтобы не тащить.

Но остальные не соглашались: здесь узкое ущелье, над горами клубятся тучи, того и гляди застанет дождь, и если будет ливень, река разольется и их унесет.

Ребята разделили рыбу поровну, нагрузились и пошли вверх по тому ущелью, что было справа. Приходилось влезать с одного камня на другой, все вверх и вверх.

Вдруг Ромка остановился и шумно втянул носом воздух. То же проделали и другие.

– Пахнет яблоками? – спросил Ромка.

– Пахнет, как из яблочного склада! – поддержал его Топс.

– Сюда-то нам и надо, – заметил Егор. – Ведь это южная гряда гор у истоков реки Чак. На ней-то и ждать парашютистов. Здесь мы вскроем пакет.

Ребята полезли напрямик.

Вначале склон был крутой, безлесный, с обнаженными скалистыми стенами. Ребятам пришлось туго. Они карабкались, отдыхали, вытирали пот. Наконец они перелезли через каменный выступ и очутились на пологом склоне, поросшем деревьями.

II

Перед ними был лес, но не просто лес, а яблоневый лес. Большие раскидистые и очень ветвистые деревья были покрыты зрелыми и созревающими яблоками. Ярко-красные, желто-

зеленые, коричневые, белые, они виднелись среди листьев. Ни заборов, ни сторожей – никого не было. Целый огромный яблоневый сад. Ешь сколько хочешь!

Вся земля была усыпана, как разноцветным ковром, созревшими плодами.

– Я говорил, лезем сюда! Я не ошибаюсь! – кричал в восторге Ромка.

– Нет, это я сказал «лезем сюда»! – протестовал Топс.

– Прибыли! – сказал развеселившийся Егор.

– Вот красота! – прошептал Гномик.

Забыв усталость, ребята бросились подбирать яблоки. Гномик не стал собирать с земли. Он сорвал яблоко, откусил, и лицо его исказилось гримасой. Он выплюнул:

– Кислятина! Есть нельзя!

– Почему? – возмутился Топс, уплетая за обе щеки коричневатое яблоко, поднятое с земли. – У меня сладкое.

– Я, как начальник лесоразведочной партии, – сказал Ромка, – могу заявить, что здесь разные сорта. Одни сладкие, другие терпкие, третьи горькие, есть и крупные, и мелкие. Учитесь выбирать по внешнему виду.

– Уже вечер, надо суметь выбрать сначала ночлег, – напомнил Егор, – а яблоки от нас не уйдут.

Ребята шли по яблоневому лесу очень медленно. Они часто наклонялись, хватали с земли яблоки; некоторые, попробовав, сразу выбрасывали, другие клали в карманы, насыпали за пазуху. Но скоро класть было уже некуда.

– Чур, это мои яблоки! – сказал Ромка, останавливаясь под одним деревом.

– А здесь кто-то уже окапывал деревья, – послышался голос Гномика.

– Где? – встревожился Егор.

Под деревом земля была вскопана.

– Хороший хозяин всегда обкапывает яблони, – сказал Ромка.

– Может быть, это не лес и мы забрались в чужой яблоневый сад? – забеспокоился Егор.

– А почему же тогда яблоки не убрали и они гниют на земле? – недоумевал Топс.

– Надо нам отсюда убираться, – предложил Гномик.

Смущенные ребята шли все вместе, стараясь не шуметь.

– Куда пойдем? – шепотом спросил Топс.

Егор молча махнул рукой, показывая вверх на склон.

Недалеке раздался сильный треск и шум. Гномик мгновенно спрятался за дерево, Топс полез на дерево, а Ромка – на другое. Из далеких кустов через поляну с шумом промчалось темное животное, преследуемое Барсом.

– Кабаны! Дикие свиньи! – закричал Егор и быстро зарядил ружье свинцовой нарезной пулей – жаканом. – Вперед!

Легко кричать «вперед», но когда у тебя на плечах тяжелый груз и ты устал от трудного пути по горам, тогда не очень-то побежишь вперед. Ребята пробежали несколько шагов и пошли шагом, тяжело дыша.

– Ну вот, – сказал Егор останавливаясь, – наконец и кабанов увидели. Это они взрыли землю клыками в этом яблоневом лесу.

Егор приложил свисток к губам – Барс возвратился.

– Эх, Бориса нет! – не без ехидства пожалел Ромка. – Тот бы не упустил кабанов.

– Разини мы, ворон ловим, – согласился Егор и долго не мог успокоиться, придумывая себе всё новые и новые обидные прозвища.

Топс в этом ему охотно помогал.

III

Вскоре ребята вышли на большую полянку, поросшую пихтами. Из-под камня бил родник. Позади, далеко внизу, виднелось ущелье Чак, по которому они поднимались три дня. А кругом были покрытые лесом горы.

– Эх, стукнем топориками! – сказал Егор. – Мы нашли хорошее место для привала. Лучшего не найдешь.

Мальчики сбросили с удовольствием рюкзаки. Топс и Ромка начали бороться. Егор тоже бросился в свалку, но вдруг остановился: неведомый край, неведомые горы, а ведь он старший. Он припомнил все, что Сапегин говорил об ответственности старшего за жизнь и благополучие бойцов. Старший! Егор усмехнулся. Не так давно за ним самим присматривали в воинской части, а теперь – старший! Егор взял топор.

– А ну, ребята, кто из вас срубил и обстругал хоть одно дерево на своем веку? – крикнул он ребятам.

– Я рубил, и не одно, – сказал Ромка и передернул плечами.

– Это когда ты тигров стрелял? – И Егор лукаво прищурил один глаз.

Топс и Гномик засмеялись. Ромка досадливо махнул рукой и про себя решил: вперед не завираться.

Егор поднял руку, призывая ко вниманию, и сказал:

– Полковник Сапегин говорил: тот еще зеленый юнец, кто не посадил ни одного дерева на земле; тот еще зеленый юнец, кто в своей жизни не срубил ни одного большого дерева и ничего не построил.

– Я сажал, ей-богу сажал, честное пионерское! – закричал Ромка. – Я желуди сажал, и из тех желудей в лесном питомнике на Северном Кавказе вырастали дубки. Потом сосновые шишки разделял на части, и из их семечек вырастали сосны. А ты, Егор, сажал?

– Я не посадил еще ни одного дерева, – сознался Егор, – но я еще посажу, и не одно. А большие деревья я рубил, и много: строил мосты и землянки вместе с саперами. А ты, Топс? А ты, Гномик?

Мальчики сознались, что еще не посадили ни одного дерева. Рубить и строить им тоже не приходилось.

– Сажать мы научимся и будем сажать в Пчелином городе на Ореховом холме, – сказал Егор, – а рубить и строить поучимся сейчас. А ну, Гномик, бери топор, сруби эту сухую пихточку на шалаш и обтеши ее.

Гномик взял топор и, волнуясь, последовал за Егором. Даже против небольшой пихты Гномик был такой маленький!

– Не робей! Держи топор крепче, чтобы не вырвался, и руби сверху вниз, вот здесь. Да не попади по ноге, стой вот так. А потом подрубишь с другой стороны, пониже, и пихта упадет на поляну.

Гномик поднял топор, размахнулся и изо всех сил всадил топор в дерево. Егор так «переживал» за него, что даже крикнул. Гномик высвободил топор, опять поднял над головой и опять рубанул. И сознание того, что вот он маленький, а может срубить такое большое дерево и построить из него шалаш, придавало силы мышцам и если и не делало удар точным, для чего требуется мастерство, то, во всяком случае, старательным, и это наполняло сердце гордостью от сознания своей силы.

И когда Гномик подрубил дерево почти до половины, Егор показал ему, где нужно подрубить с другой стороны.

Наконец настал торжественный момент: небольшая пихта качнулась раз, второй и стала падать. Ребята бросились в стороны, раздался треск, ветки зашелестели, и земля дрогнула от

удара. Все закричали «ура», но громче всех кричал Гномик. Он тотчас же вызвался срубить и второе дерево, но Топс возражал: настаивал на своей очереди. Топс срубил дерево тоже первый раз в жизни.

Потом Егор взял топор и показал, как обтесывать дерево, а рядом стояли ребята и с восторгом наблюдали за работой, слушая рассказы Егора о том, как он с саперами-плотниками строил мост под огнем налета неприятельской артиллерии. Гномик и Топс по очереди обтесывали деревья.

Хорошо! Звонит топор, летят щепки, пахнет смолой! Работа спорится в руках, и так хочется потрудиться!

Вот уже и гости прибыли: трясогузки бесстрашно прыгают рядом.

– Тащите! – кричит Егор, показывая на обтесанные стволы сухих пихт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.